

Ольга
Романовская

Любимица бога смерти

ИГРА НА
ЖИЗНЬ

Ольга Викторовна Романовская
Игра на жизнь
Серия «Любимица
бога смерти», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Я никогда не была идеальной принцессой. Убившему моих отца и брата колдуну следовало об этом знать и не надеяться, будто я утешусь замужеством и вышиванием. Так и вышло: жениху я отказала, пяльца выбросила в окно и прикрепила к поясу ножны с мечом.

Берегись, колдун, ведь отныне на моей стороне сам бог смерти! И пусть у нас разные цели, я для него лишь пешка в собственной игре, это уже половина победы.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	46
Глава 4	66
Глава 5	86
Глава 6	105
Глава 7	128
Глава 8	147
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Ольга Романовская

Игра на жизнь

Глава 1

Арлайн

Я не должна была становиться наследницей. Хотя бы потому что, родилась самой младшей в семье. А еще, пожалуй, меньше всех на свете походила на принцессу. Ей полагалось попечительствовать бедным, изредка озаряя своей степенной красотой придворных, а не пропадать целыми днями с приятелями брата. Сначала Алистер пытался меня взрастить, наивно полагал, будто разбитые коленки и синяки под глазом направят меня на путь истинный. Увы, они только лишь раззадоривали. К четырнадцати годам я на равных метала ножи в компании молодых дворян, вместе с ними ездила на охоту. Разумеется, втайне от родителей, переодевшись в мужское платье, спрятав свои приметные светлые, почти белоснежные волосы под уродливым париком. Его раздобыл Алистер. Видимо, он тоже родился бракованным, раз помогал своей непутевой сестре, а не пытался загнать ее за пяльцы.

Но, увы, мои сомнительные наклонности не были единственным препятствием к счастью. Я родилась в Лиэне, небогатом королевстве на севере континента, и изначально считалась принцессой второго сорта. Как бы ни старался отец, достойного приданного ни мне, ни старшей сестре не видать. И если Алхена еще могла привлечь какого-то заморского принца древностью рода, то с меня даже портретов не писали, просватали за двоюродного брата Фарнафа. Он герцог, только вот такой же, как я принцесса. Фарнаф, разумеется, так не считал, раздувался от гордости, поминая длинную вереницу предков, от которой ему досталось... Ну, побольше меня, если честно, если мы о деньгах. А еще любовь к лошадям – единственное, что нас объединяло.

Любила ли я жениха? Нет. Он тоже не питал ко мне нежных чувств, покорно выполнял волю дядюшки, моего отца. Да и как можно любить ту, которая младше тебя на целую жизнь? Когда я родилась, Фарнаф, шестнадцатилетний юноша, уже принимал парады вместе с венценосным дядюшкой.

Собственно, я не собиралась замуж, о чем сразу же заявила, когда папочке взбрела в голову «чудесная» идея. Увы, мои доводы разбились о железную волю Ивара Второго. Ту самую, которая в свое время помогла ему выгодно жениться и хоть как-то поправить наши дела.

– Я обещал Фионе перед смертью, что позабочусь о вашем будущем. – Отец украдкой взглянул на миниатюрный портрет мамы, который всегда держал на рабочем столе. –

Ты выйдешь за Фарнафа, это не обсуждается.

– Почему же, очень даже обсуждается, – фыркнула в ответ.

И нанесла удар:

– Сам ты женился по любви.

Что верно, то верно, отец совершил невозможное – измором взял южных соседей и получил руку моей матери. А ведь на нее нашлись бы претенденты получше! Но самое невероятное – эти двое любили друг друга. Отец, в то время наследный принц, прибыл в Сиальдар с дипломатической миссией, а тут Фиона... Они встретились на балу. Мама рассказывала, что тоже сразу отметила его, втайне мечтала, чтобы красавец-принц (мой папа хорош, даже сейчас хорош, а тогда и вовсе взглядом разбивал сердца) пригласил ее на танец. Пригласил. В итоге через три года на свет появился Алистер, еще через два – Алхена. Ну и вишенкой на торте, еще через пять – я, поздний ребенок. Я старалась лишний раз об этом не думать, но иногда мне казалось, не забеременей мама тогда, осталась бы жива. Напрасно, конечно, винила себя: мама скончалась вовсе не родами, ушла через несколько лет, совсем по другой причине, но здоровья мое появление на свет ей не прибавило. Она и так была миниатюрная, хрупкая, тяжело переносила непривычный северный климат.

– Любовь приходит не сразу, – отрезал отец. – Да и разве ты веришь в прекрасных принцев?

Вы сильно удивитесь, но я, принцесса, в принцев совсем

не верила. Не в реальных наследников королевств – в книжных. Это удел сестры, она у меня романтическая, вся в мать. А я пошла в отца. Собственно, поэтому мы вечно ссорились.

– К тебе больше никто не посватается, – продолжал настаивать папочка. – Нет ничего страшнее участи старой девы.

С этим бы я тоже поспорила, потому как абсолютно ничего жуткого в отсутствии мужа не видела. Вот исполнится тридцать, тогда, может, прочувствую всю тяжесть одинокого бытия.

– Хватит с меня Алхены!

Отец с тяжким вздохом вновь обратил взор к мамочкиному портрету.

Мы оба знали, со здоровьем у сестры не очень. Настолько не очень, что ее шансы остаться старой девой на порядок выше моих. Но это вовсе не означало, что я собиралась отдуваться за всех. Пусть Алистер женится. Ему положено, он наследник. А я так, еще одна Акмелур.

– Рад, что мы пришли к общему мнению.

Отец ошибочно принял мое молчание за согласие. Ему следовало бы помнить о моем характере, его характере, перед тем, как что-то приказывать. Если я решила, что помолвки не будет, то ее не будет, просто не видела смысла зря препираться.

Ох, представляю, какой сегодня всех хватит удар!

Собственно, вариантов всего два. Я как раз выбирала, какой лучше: сбежать или сказать больно?

До меня доносились приглушенные звуки музыки – музыканты настраивали инструменты перед балом. Его давали в честь помолвки Ее Королевского Высочества принцессы Арлайн и Его светлости Фарнафа Акмелура, герцога Эсамада. Да, вот так напыщенно все звучало. Вдобавок приглашения печатались на отвратительных карточках с гирляндами роз, что лишь усиливало мое нежелание участвовать в свадебном фарсе.

С ненавистью покосилась на манекен с напоминавшим торт платьем. И вот в это они планировали меня обрядить? Мама бы точно не позволила! Как принцесса до кончиков ногтей, она понимала толк в моде.

Вдобавок к розовому кошмару полагался корсет. Отродясь его не носила и начинать не собираюсь.

Мотнула головой. Не пойду. Пусть отец извиняется перед всеми, плевать! Я рожать себя принцессой не просила, с удовольствием отказалась бы от титула, собрала отряд наемников и боролась со злом. Что поделать, меч лежал в моей руке лучше иголки. Я исколола не один палец во время занятий рукоделием, зато неизменно попадала прямо в сердце тюку из соломы в фехтовальном зале.

Меч мне подарил Гордон – главный заводила наших игр, лучший друг Алистера. Ну и мой тоже. Его отец, глава горного клана Шеттаров, один из претендентов на Каменный трон Угорья. Собственно, поэтому Гордон и оказался здесь, вдали от дома: его отец рассчитывал на поддержку моего отца

в междоусобной войне. А еще опасался, что единственного сына убьют кровожадные родственники.

Помню, каким он прибыл в Лиэну – дикарь дикарем! Имя свое с трудом на бумаге выводил, а ведь они с Алистером ровесники. Но ничего, Гордон быстро освоился, стал настоящим принцем. Хорошо, у меня нет младшей сестры, а то бы ее за него просватали.

А еще Гордон нормальный, не считал, что девочкам нельзя давать оружие, а то непременно порежется.

Нет, какое все же уродское платье! Наверняка его выбирала тетушка, вдовая жена моего дядюшки и по совместительству потенциальная свекровь. Она обожала такие фасоны, старомодные и жутко неудобные.

Жаль, не удалось сбежать в прошлую среду! Как я ни угроживала Гордона, как ни угрожала, он категорически отказался помогать. Мол, скрывать мои тренировки и вылазки на охоту – это одно, а тут – совсем другое. Понимаю, не хотел возвращаться в Угорье. Я бы тоже не хотела. Там одни горы, елки да дикари. А еще так холодно, что зубы даже летом сводит.

Однако надо поторопиться. С минуты на минуту явится горничная, чтобы помыть и причесать меня к балу. А следом фрейлины.

У, как я ненавидела придворных дам! Они вечно лезли с непрошенными советами: так не стойте, так не улыбайтесь, иначе никто замуж не возьмет. Будто мне хотелось замуж

в мои шестнадцать! Вдобавок, несмотря на мое предосудительное поведение, жених все равно нашелся, значит, я могла с чистой совестью носить брюки и ездить верхом по-мужски.

Открыв окно, прикинула, смогу ли пройти по карнизу вон до той башенки. Оттуда по водостоку вниз и...

В дверь постучали.

Захлопнув окно, прыгнула в кресло, изобразила, будто читаю.

– Войдите!

Однако вместо горничной в комнату вошла Алхена. И без того бледная, сейчас она и вовсе напоминала покойницу.

– Что случилось?

Мигом подскочила к сестре и усадила ее в кресло.

– Тебе плохо?

Увы, сестра родилась слабенькой. В ее покоях всегда было жарко натоплено, а окна не открывали даже летом из опасения, что Алхена простудится. Каждый раз, когда она кашляла, с тревогой смотрела на ее носовой платок: нет ли капель крови. Маму сгубила чахотка, вдруг и сестра больна?

– Нет.

Алхена зарыла лицо в ладони.

Сердце камнем упало в пятки. Нехорошее предчувствие заскребло под ложечкой.

– Алхена?

Опустилась перед ней на колени, мягко коснулась руки.

Сестра не двигалась, только часто-часто дышала.

Звуки музыки смолкли. Во дворце вдруг повисла звенящая тишина.

– Давай я позову врача?

У Алхены и раньше случались приступы, но обычно они выглядели не так: она задыхалась, а тут... Приглядевшись, я поняла: сестра плакала. Слезы беззвучно катились по ее щекам. В этом вся Алхена. Может, она и хрупкая снаружи, зато очень сильная внутри. Я ей втайне завидовала: ее умению держать себя, стойкости, учености. Мне науки давались с трудом, а Алхена частенько сидела в уголке отцовского кабинета, слушала доклады министров, принимала участие в обсуждении разных вопросов.

– Алистер.

Имя брата прошелестело в ее устах порывом осеннего ветра.

Холод ледяными цепями сковал сердце.

– Что с ним? Что?!

От волнения я почти кричала. Вцепилась в руку сестры и трясла ее, трясла...

– Он пропал, – обескровленными губами произнесла Алхена.

Ее прекрасные большие голубые глаза застыли.

– Как? Когда?

Пока я решительно ничего не понимала.

В последний раз мы виделись за завтраком. Брат, по обыкновению, шутил, просил не убивать «бедняжку Фарнафа»,

дать ему шанс завоевать мое расположение. После Алистер уехал по делам: отец поручил ему контроль за строительством нового моста.

И вот теперь Алхена плачет, будто с братом случилось что-то дурное. С другой стороны, не поэтому ли смолкла музыка?

Отогнала нехорошее предчувствие. Алистер жив, что за глупые предположения! Да он первый фехтовальщик Лиэны, не раз выигрывал поединки у более старших и опытных соперников. Вдобавок наследный принц, охрана мигом скрутит любого, кто посмеет к нему приблизиться.

Но глаза Алхены, ее слезы... Прежде она никогда не плакала, даже на похоронах мамы. Ее не стало, когда я была совсем крошкой, зато Алхена хорошо ее помнила: ей к тому времени исполнилось десять. Алистеру и того больше, целых двенадцать.

– Мы... – Губы сестры задрожали. – Он так и не добрался до моста, мы подняли тревогу.

– Прости, – она потупила взор, – твоя помолвка не состоится. Фарнаф вызвался возглавить поиски и уже в седле.

Будто меня это могло опечалить! При других обстоятельствах я и вовсе порадовалась.

– Дальше! – хрипло потребовала я. – Ты чего-то не договиваешь, Алистер не просто пропал.

Ноги не держали, и я опустилась на кровать. Меня трясло как в лихорадке, тогда как Алхена, наоборот, немного

успокоилась. Смахнув слезы тыльной стороной ладони, она выпрямилась, необычно серьезно, по-взрослому посмотрела мне в глаза. Хотя Алхена и была взрослой, порой даже слишком.

– Солдаты обнаружили его коня. Несчастное животное настигали стрелами. Там, в овраге, недалеко от моста.

– И? Куда подевалась охрана?

Тело мое звенело от напряжения.

Раскачиваясь из стороны в сторону, я молилась всем богам: «Только бы он остался жив!»

Увы, небожители редко нисходили до просьб смертных.

– Алистер отпустил их, велел встретить его на обратном пути, у Северных ворот. Наверное, – горько усмехнулась Алхена, – решил проведать свою подружку.

Она осуждала связь брата, считала, тому следовало думать о государстве больше, чем о прелестях Манон. Наверное, если бы та родилась маркизой или баронессой, Алхена отнеслась бы к ней благосклонно: какой принц без фаворитки? Но Манон – дочь простого фермера. Алистер практически ничего о ней не рассказывал, разве только в тесном мужском кругу. Я слышала только, что Манон молода и румяна.

– Да вернет она его, не переживай! – желая взбодрить сестру, рассмеялась я. – Фарнаф заберет Алистера из объятий Манон и за шиворот притащит во дворец. Ты ведь знаешь парней, они под любым предлогом отлынивают от работы. Сметы, камни – это так скучно!

Алхена покачала головой.

– Я ходила в храм. Взяла лампадку и поставила перед ликом Бога. Она погасла.

Сердце мое перестало биться. Мертвенный холод добра-лась до груди.

– А жрица, ты попросила жрицу поставить свою? – ухва-тилась я за последнюю соломинку, хотя умом понимала: кон-чено.

Если бы и ее лампадка пред ликом Амандина, отца всех живых, погасла, то брат ушел в чертоги Мериада, зловещего бога смерти.

Сестра не ответила. Вместо этого подошла и обняла меня за плечи. Так мы и просидели до темноты.

* * *

Тело Алистера прибило к берегу в камышовых зарослях. Из груди торчала стрела с черно-зеленым оперением – та-кая же сразила его коня.

Убийцы не притронулись к кошельку, не сняли фамиль-ный перстень-печатку. Они преследовали совсем другие це-ли. «Отдай власть добровольно. У тебя ведь еще две дочки? Подумай о них. Я согласен взять одну из них замуж», – гласи-ла дерзкая записка, прикрепленная к шее Алистера в непро-мокаемой тубе. Отец знал, кто ее написал – Кентигерн Мар-гулай. Лиэнская роза и перекрещенные литеры имени и фа-

милиии на сургучной печати – слишком красноречивый намек.

Дерзкое письмо полетело в огонь.

Отец рвал и метал, грозился казнить охрану, придворных, Фарнафа – всех, кто попадался под горячую руку. А потом заперся у себя в кабинете и не выходил из него целую неделю.

Бедная сестра! Алхене временно пришлось взвалить бразды правления на свои плечи. Пока отец предавался горю и обдумывал план мести, она выслушивала просителей, подписывала законы. Будто Алхена не скорбела, будто ей было легко!

Ну а я... Я днями и ночами думала о мести, хотя, по словам Фарнафа, мы мало что могли.

«Мало что могли!» И этого труса прочили мне в мужья?!

Фарнаф заикнулся о переносе даты помолвки, но я зыркнула на кузена так, что он забыл дорогу в мои покои. Слышала, как он говорил матери, что я потрясена, мне нужно время. Духу не хватало признаться, что какая-то девчонка уложила его на обе лопатки. Принцессе, особенно младшей, полагалось быть тихой, глазки в пол.

Гибель брата разрывала мне сердце. Просыпалась и не могла поверить, что больше не услышу его голоса, не увижу задорной улыбки. Как потерянная, бродила по фехтовальному залу, а потом в порыве ярости хватала ножи и один за одним вонзала прямо в сердце соломенного чучела. Кромсала

его мечом, пинала, душила, представляя на его месте Кентигерна.

У, ненавижу! Берегись, я еще доберусь до тебя, вырву из груди твое черное колдовское сердце!

Еще год назад никто о нем не слышал. Откуда он взялся – неизвестно. Кентигерн внезапно объявился на севере страны и провозгласил себя наместником кровавого Шелока среди людей. Отец подписал указ об его аресте, но Кентигерн умело уходил от правосудия. Пользуясь дарованной темным богом силой, он поднял нечисть, натравил ее на солдат.

Буквально за пару месяцев колдуну удалось заполучить власть над всей северной Лиэной. Столицей его импровизированного государства стал Добис. Туда сходилась всякий сброд, привлеченный посулами легкой наживы. Он охотно помогал Кентигерну насаждать темный культ и безжалостно карали тех, кто пробовал ему помешать. По слухам, их торжественно приносили в жертву Шелоку в наскоро возведенном храме.

Кентигерн упивался творимыми им бесчинствами. Называя себя любимцем богов, он требовал... корону! Разумеется, отец пойти на это не мог, но наша армия пребывала в упадке. В казне не хватало золота, чтобы платить солдатам. Зато у Кентигерна было его в достатке. Запугав жителей, он от своего имени собирал налоги, завел собственные законы.

Месяц назад с большим трудом нам удалось очистить второй по величине северный город, Джессиму, от адептов

зла – ведьм, наемников, убийц и разбойников, стекавшихся под знамена Кентигерна, но самому колдуну удалось скрыться. И вот он объявился вновь и нанес удар прямо в сердце.

Хотя дни мы проводили по-разному, вечерами неизменно сходились в подвале, куда временно поместили гроб с телом Алистера. Подготовить похороны – дело не одного дня, а внизу прохладно, удастся замедлить тление.

Сжимая кулаки над гробом брата, искоса посматривала на Алхену.

Кентигерн цинично просчитал все на два хода вперед. Отец не вечен, после его смерти не составит труда забрать корону из хрупких девичьих пальцев.

– Не позволю!

Моя рука с силой ударилась о крышку гроба, нарушив благоговейную тишину.

Припав губами к мертвенному лбу брата, я поклялась защищать сестру. Кто, если не я? Лиэнские бароны? Да они первыми перегрызут друг другу глотки за власть, стоит отцу испустить дух! Фарнаф? Кузен с удовольствием примерит корону: он ведь тоже Акмелур, третий в очереди к трону. Может, даже женится на Алхене, чтобы соединить обе ветви рода.

Ничего, сестричка, мы справимся. Да и отец проживет еще долго, Кентигерн ничего не получит. Я сверну ему шею, нашипую сталью гнилое сердце и скормлю свиньям.

Приподняв голову, выдохнула в обескровленное лицо

брата:

– Я не позволю, не позволю ему, слышишь?!

И сжала ледяную руку.

Зашелестели юбки – ко мне подошла Алхена. Она со вздохом обняла меня, прижалась щекой к моей щеке.

– Как думаешь, он снова женится?

Вздвогнув, обернулась, заглянула сестре в лицо. Оно было слишком серьезным даже для нее. Под глазами залегли глубокие тени. Сколько же она не спала и спала ли вообще?

– Тебе нужно отдохнуть, – мягко заметила я.

Алхена с печальной улыбкой покачала головой.

– Сейчас не время для отдыха.

– Сон еще никому не помешал, – наигранно рассмеялась я и попыталась увлечь ее прочь от гроба.

Если уж я поклялась защищать Алхену, нужно начать с ее здоровья.

– Так как ты думаешь, женится или нет?

Сестра с непривычной твердостью отвела мою руку.

– Не знаю...

Признаться, подобные мысли меня не посещали, а ведь Алхена права, отец мог жениться вновь, обзавестись другим наследником. Может, запершись в своем кабинете, он как раз размышлял об этом, недаром же приказал сегодня позвать своего секретаря.

– Он слишком любил маму, – отмела я крамольное предположение.

И действительно, если бы отец хотел, у меня давно появилась мачеха. Однако после смерти жены он словно позабыл о женщинах, не замечал их, с головой ушел в государственные дела.

– Как думаешь, кто бы ему подошел? – будто не слыша меня, продолжила размышлять вслух Алхена.

– Брось! Из тебя выйдет отличная королева. К тому времени, когда придет твой черед, врачи обязательно тебя вылечат.

Мысль о том, что в нашу семью войдет чужая, вызывала глухую злобу. Отец принадлежал маме. И точка!

Алхена лишь грустно улыбнулась и потрепала меня по голове.

– Ты еще слишком мала и не понимаешь.

– Мне шестнадцать! – обиженно напомнила я.

– Порой мне кажется, что меньше, Арли, – вздохнула она и взяла меня под руку, увлекая прочь от гроба. – Пора бы тебе повзрослеть! Но ты права, мы обе устали. Завтра похороны, мы не можем предстать перед подданными с опухшими глазами.

* * *

– Ваше высочество?

Обернувшись, я увидела камердинера отца. Старик выглядел крайне взволнованным. Даже высокий ворот его сюр-

тука не мог скрыть подергивающийся кадык.

– Что случилось, Рескин? – нахмурилась я, неохотно оторвавшись от книги, которой без толку пыталась занять свой ум.

Отец уехал две недели назад. После похорон Алистера он вконец обезумел, не мог думать ни о чем, кроме убийства Кентигерна. Не слушая ничьих советов, с верным полком гвардейцев отправился на север, по следам убийц. С тех пор от отца не было известий.

Алхене хорошо, ее разум с утра до вечера забит государственными заботами, а я сходила с ума от неизвестности. И тут Рескин...

– Ну же! – отшвырнув книгу, поторопила старика.

Жаль, нельзя ухватить его за грудки и потрясти словно грушу.

– Ее высочество Алхена просит вас к себе, – казалось, через целую вечность вымолвил Рескин.

Надо ли говорить, что к сестре я летела, расталкивая попадавшихся на пути слуг. Плевать на манеры! Меня и прежде мало заботило чужое мнение. Подумаешь, герцогиня посчитает недостойной невесткой! Теперь-то и вовсе кончено, я отказала Фарнафу.

Сердце мячиком скакало впереди меня.

Запыхавшись, толкнула двустворчатые двери покоев сестры и замерла, словно окаменела.

Алхена сидела за столом. Безвольно свешивавшаяся вдоль

тела рука сжимала письмо. Я сразу узнала коричневую сургучную печать – Фарнаф.

Рядом, приобняв Алхену за плечи, со скорбным лицом сидела вдовствующая герцогиня Эсамад, супруга младшего брата отца. Чуть поодаль шушукались придворные, бросали участливые взгляды на сестру. До меня долетали обрывки их фраз: «похороны», «коронация».

– Что случилось?

Не чувствуя ног, кое-как доковыляла до дивана и буквально рухнула на него.

Герцогиня подняла на меня глаза и произнесла всего три слова:

– Мне очень жаль!

Так у меня появился враг. Тот, кому я поклялась отомстить сразу за две отнятые жизни.

Глава 2

Арлайн

– Ненавижу черный цвет!

Мне хотелось содрать платье вместе с кожей, бросить в огонь. Будто вместе с ним сгорело бы мое горе!

В одной умной книжке я некогда вычитала о трех стадиях принятия. Первую, слезы, я уже миновала и перешла ко второй – гневу. Наступит ли когда-нибудь смирение?

– В Угорье черный – цвет власти, – подал голос Гордон.

Все это время он стоял у камина и вяло, апатично мешал угли.

Гордону тоже не сладко. Чуть больше месяца назад он лишился друга, теперь его судьба и вовсе в подвешенном состоянии. Закончилась ли кровавая распря, вернется ли он в Угорье?

Но в тот момент я меньше всего думала о чужом горе: меня душило собственное.

– Так обрядись в него с ног до головы!

Сверкнув фамильными голубыми глазами, я напустилась на Гордона, словно сокол на добычу.

– Тебе-то хорошо! Ты не терял брата, не провожал отца,

не закрывал глаза матери. Только и думаешь, что о троне!

Ком подступил к горлу. Соленые слезы наполнили рот. Хлюпая красным носом, в бессилье уткнулась в спинку кресла и разрыдалась.

Отца похоронили вчера. Как полагалось, под салют дворцовых гвардейцев. Обнажив мечи, они отдали последнюю честь своему государю.

Мы с Алхеной стояли рядом. Две одинокие хрупкие фигурки. Хотя хрупкой была только я, потому что сестра напоминала каменное изваяние. Все же внешность обманчива, а боги справедливы. Обделив Алхену здоровьем, они наделили ее железной волей. Волей королевы.

Зато я совершенно расклеилась, как настоящая принцесса. Хотя я отныне наследница, а наследницы не плачут.

– Я похоронил трех сестер и дядю, – словно сквозь вату, донесся до меня голос Гордона.

В недоумении подняла голову. О чем это он? Ах да, похороны...

– Правда, они были совсем маленькими, – смутившись, добавил Гордон. – А дядю убили в пьяной стычке.

– Разбойники?

– Нет, горцы из другого клана.

Гордон наклонился, чтобы подбросить поленьев в огонь. Его длинные рыжие волосы упали на лоб. Помнится, когда я впервые его увидела, сильно удивилась. Мол, разве бывают мужчины с такими волосами? Потом привыкла, хотя изредка

по-прежнему дразнила его девушкой. Гордон не обижался. Он воспринимал меня как младшую сестру.

Ну вот зачем я снова вспомнила об Алистере!

Отвернувшись, проглотила очередную порцию слез.

– Тебя, наверное, скоро выдадут замуж, – неуверенно предположил Гордон.

Я мгновенно приняла боевую стойку.

– Почему ты так решил?

Разговоры о браке выводили меня из себя. После смерти отца ко мне заходила герцогиня, якобы выразить сочувствие, по факту – уговорить-таки заключить помолвку. Я отказала ей в грубой форме, Алхене потом пришлось извиняться. По мне, не за что, тетушка сама напросилась. Хотя никакая она мне не тетушка, всего-то дядина жена, обыкновенная баронесса. Поговаривали, жениться на ней покойного герцога в столь юном возрасте – дядюшке едва исполнилось восемнадцать – заставил крупный карточный долг. Ифигения Бромси не отличалась красотой и знатностью, вдобавок была старше мужа на семь лет, зато ее отец слыл самым богатым человеком в Лиэне, намного богаче моего отца. Собственно, на деньги покойного барона мы и содержали армию.

– Ну... – пожал плечами Гордон. – Так положено. Правят всегда мужчины, поэтому ты и твоя сестра должны...

– Ничего мы не должны! Вот еще выдумал!

При мысли о замужестве у меня закипала кровь. Я не стану Эсамад, и точка! Сбегу, самостоятельно добуду себе про-

питание... А что, из меня выйдет неплохая охотница. Я была зверя с тридцати шагов.

– Знаешь, – Гордон слегка смутился, – отец не возражал бы, если мы поженились. Это стало бы меньшим из зол: мы давно знакомы. Вдобавок я не стал бы запрещать тебе драться.

Фыркнув, окинула его взглядом с головы до ног. Высокий, тощий, рыжий... и с веснушками. Непривычно, мужчина – и с веснушками, но таковы уж все в клане Шеттар.

– Мой отец станет королем.

Показалось, или Гордон собирался подкупить меня Каменным троном?

– Поздравляю! – сухо ответила я и отвернулась. – Мне плевать, у меня отец умер вообще-то. И брат.

– Я тоже не хочу на тебе жениться, – неожиданно признался Гордон.

В ответ расхохоталась и протянула ему руку:

– Вот и не будем. Дружить гораздо интереснее.

Потому что муж не всегда друг, а порой и враг, на него нельзя положиться.

Крепкая ладонь Гордона ждала мою.

– Придешь завтра тренироваться?

О, он знал, как осушить мои слезы!

– Конечно! – кивнула я и чуть слышно добавила: – Мне нужно кое-кого убить, поэтому я должна научиться владеть мечом лучше любого солдата.

Во дворце было душно, в прямом и переносном смысле этого слова. И я сбежала из него туда, где никто не лез ко мне с дешевым сочувствием. Будто оно способно воскресить родных!

А еще меня потянуло к Богу. Чуть ли не в первый раз в жизни я нуждалась в помощи. Кто, если не Амандин, направит на верный путь, разберется с хаосом в моей голове?

Косые лучи золотили мраморную лестницу храма. Поздним вечером святилище всегда пустовало, именно поэтому я пришла сюда на закате. Одеюсь просто и скромно, как во время былых вылазок с братом. На лицо надвинула глубокий капюшон: не желаю, чтобы кто-то признал во мне принцессу, пока я пробиралась по кривым улочкам к храму.

Присев на нагретые солнцем ступени, втянула терпкий запах благовоний.

Вечность и покой – как мне их не хватало!

Хорошо бы боги привели сюда Дейру. Я надеялась, жрица спустится в сад отдохнуть перед сумеречным богослужением. Мне на него не попасть – это мистическое таинство, во время которого Амандин нисходит на землю и беседует со жрицей. Именно поэтому мне крайне важно повидать Дейру до заката. Тогда я смогу задать вопросы и, быть может, получу на них ответы.

– Хм, а вот и младшая принцесса!

Рождающий мурашки, обволакивающий мужской голос прозвучал над самым ухом. В нем сквозил неподдельный интерес.

Резко обернувшись, никого не увидела.

Нахмурилась.

Ну погоди, шутник, я тебя все равно найду! Вряд ли это один из помощников жрицы, раз так, я имела полное право покарать за неслыханную дерзость.

Однако наказывать оказалось некого. Я осмотрела каждый куст, заглянула за каждую колонну, сунула нос в бочку с дождевой водой – никого.

В душе заворочался страх.

– Кто вы? – прижавшись спиной к колонне, окликнула я.

Ответа не последовало.

И тут я словно увидела себя со стороны – жалкое, дрожащее от страха существо, принцесса в кружевах. И это та, которая клялась отомстить? Ну уж нет, даже если я сейчас умру, то не как трусиха.

– Эй!

Хлопнув в ладоши, смело покинула убежище – портик храма.

– Уважаемый, это невежливо с вашей стороны. Я женщина, вы мужчина. Я вас не вижу, а вы меня – да. По правилам этикета вы должны показаться и назвать себя.

– Этикета? – презрительно фыркнул мужчина. – Я и есть

этикет.

Вот ведь!.. Ничего, я упрямая, я тебя найду.

Вооружившись суковатой палкой, обошла храм по периметру, заново проверила кусты, даже к воротам сбегала.

Да он издевается! Не над моей же головой парит! На всякий случай обратила взор к небесам: тучки, птички, никаких людей. На деревьях тоже.

– Ну, набегалась? – Теперь в голосе звучало легкое раздражение. – Так ты Арлайн или нет?

– Допустим.

Утомленная поисками, плюхнулась на ступени. Палку выбросила за ненадобностью.

– Как посмотрю, вежливому обращению со старшими тебя не учили. – А вот и гнев. Он порывом ветра пролетел среди деревьев, напугав птиц. – Впредь отвечай, как положено!

Ох, напрасно! Чем больше на меня давят, тем неуправляемее я становлюсь. После вчерашних похорон и вовсе хотелось выместить на ком-то свою боль. Однако пока я держалась, только буркнула сквозь зубы:

– Я принцесса, а вот кто вы, пока неизвестно.

– Обо мне знают даже младенцы.

– Вот с ними и общайтесь!

– К твоему сведению, я даже с такими, как ты, обычно не разговариваю.

Больно надо!

Демонстративно повернулась к невидимке спиной. Пусть

скажет спасибо, что не болтается в петле. Одно мое слово...

– Повесить – меня?

Воздух сотрясли раскаты смеха.

– Боюсь, это невозможно. Утопить, отрубить голову – тоже. Зато при желании я мог бы прямо сейчас оборвать ниточку твоей жизни, но не хочу.

Кажется, я начинала понимать... Ох, не стоило ему грубить!

С другой стороны, я по-прежнему понятия не имела с кем говорю. Это точно не Амандин, вдруг Шелок? Тогда надо было не только нагрубить, но и проклясть. Я бы и плюнула, только тяжеловато попасть в бога.

– Осознала наконец, что я не человек, хотя почтительности не прибавилось. Ладно, ты еще ребенок, на первый раз прощаю. Ты мне еще пригодишься.

Прощает он меня, снизошел до смертной!

В груди поднималась темная волна обиды.

Где, где все они были, когда убивали Алистера, отца, когда умирала мама? Почему не спасли хотя бы одного? И теперь я кому-то что-то должна?

Сжала кулаки.

Сосчитай до десяти, Арли! Ты всегда можешь уйти и уйдешь, если не захочешь с ним разговаривать. Даже если это бог, что он сделает, убьет тебя? Так половина меня все равно мертва.

– Ты знаешь Кентигерна Маргулая?

– Еще бы! – Крепко стиснула зубы. – Грязный убийца, который мечтает заполучить наш трон!

– Значит, еще и трон... – Невидимый собеседник задумался. – Сразу видно, кто его учил. И как сильно ты его ненавидишь?

Он еще спрашивает!

– Я хочу, чтобы он сдох.

Желательно дважды. Умирал долго, мучительно. Чтобы у него не осталось ни одной целой кости, чтобы его поганый язык скормили псам, а руки бросили... Да хоть в мусорную яму, главное, отделить их от тела.

– О, да ты кровожадна! – рассмеялся собеседник. – Вдобавок с богатой фантазией.

– Я всего лишь хочу вернуть Кентигерну долг.

Не вижу ничего смешного в желании раздавить гадину.

– Убить собственными руками?

Он явно сомневался в моих способностях.

– Неужели ты действительно сможешь убить человека?

– Его? Смогу.

Я уже мысленно убивала его, сотни раз вонзала острие прямо в сердце. Мышцы помнили каждое движение, разбудили меня ночью, повторю и не промахнусь.

– Манекен – это не человек, – резонно заметил собеседник. – Это тюфяк с опилками.

– С соломой, – зачем-то поправила я. – У нас его набивают соломой.

– Главное, чтобы твою голову ей не набили.

Прикусила язык, чтобы не ответить на оскорбление.

Солоноватый привкус наполнил рот.

Нет, долго я так не смогу, даже если искусаю все щеки, отвечу.

– На твоём месте я бы промолчал.

На его месте я бы тоже меньше умничала.

Подумала и напряглась: что-то больно тихо стало.

– Хорошо, сейчас проверим твою ловкость.

Прямо мне в лицо полетело что-то блестящее. Я инстинктивно отклонилась вправо.

Великий Амандин, нож!

– Ты... Ты хотел убить меня!

Потрясла в воздухе ножом. Не каким-то столовым – боевым, с обтянутой кожей рукоятью и специальной полоской металла, защищающей пальцы.

– Если бы хотел, убил, – флегматично заметил собеседник.

– Ты хотел меня убить! – все еще не оправившись от потрясения, повторила я.

– И? Я постоянно кого-то убиваю, эка невидаль! Лучше поговорим о тебе. Реакция неплохая, но на этом все, способностей ноль. Разве только мордашкой возьмешь и яду подсыплешь. Ну-ка повернись у свету!

– И не подумаю! – прошипела я.

Ты меня достал, сам напросился! Не надо было цепляться

ко мне после похорон.

Невидимость, конечно, отличная штука, но не спасает от бед. Я все эти годы не «мордашкой брала», а училась разным премудростям. Например, выслеживать зверя по звуку.

Прищурилась.

Где же ты притаился, смертник? Пришла пора проверить твою реакцию.

Не подозревая, что его ждет, собеседник, которого я все же записала не в боги, в колдуны, посетовал:

– Удружили, ничего не скажешь! Капризная хамоватая девчонка... Какой с нее толк, одно расстройство!

Криво усмехнулась.

Хамоватая, значит. Так не взыщи!

Обманным движением сбив с толку невидимого противника, крутанулась и послала нож в источник звука. Злорадно улыбнулась, представив, как сталь впивается в плоть, рассыпает по земле кровавые брызги. Сейчас паршивец закричит... Но он молчал. Нахмурилась. Неужели промахнулась?

Разочарованная, я поплелась разыскивать оружие: правила запрещали проносить его на территорию храма, нужно обязательно выкинуть за ограду. И замерла с открытым ртом. Нож завис в воздухе, затем сделал плавный разворот и вошел в ножны. Они тоже болтались между землей и небом, примерно на уровне пояса взрослого мужчины.

– А вот это мне уже больше нравится, – похвалил знакомый голос.

Он точно больной! Хамство ему не по душе, а от попытки убийства млеет.

И тут я сообразила, что мужчина поймал нож в полете. Поймал и не поранился. Но так не бывает!

– У людей – нет, – согласился со мной собеседник.

В воздухе медленно проступили контуры закутанной в длинный плащ фигуры: сначала руки, затем ноги, тело и, наконец, голова. Из-под глухого капюшона на меня смотрели самые необычные глаза, которые я когда-либо видела. Во-первых, они меняли цвет, то уходили в блестящую сталь, то поражали непроглядной тьмой. Во-вторых, едва заметно светились.

В испуге сделала шаг назад.

Кто передо мной? Кентигерн? Понятия не имею, как он выглядит.

Но самое главное, у него нож, а я безоружна.

Мысли путались. «Акмелуры не трусы», – раз за разом мысленно повторяла я, медленно отступая к храму. Хотела позвать на помощь, храмовая стража рядом, услышит, но что-то мешало, будто горло сковало льдом.

А ведь действительно, стало холодно. Или дело во мне, в моем страхе?

Взгляд упал на булыжник.

Раз – и он оказался в моей руке.

Если я и умру, то сражаясь.

Однако метнуть камень не успела: пальцы свело судоро-

гой.

– Не трудись, у нас с Кентигерном нет ничего общего. Даже во внешности. Хотя физическая оболочка – вещь настолько изменчивая...

Мужчина медленно поднял руку и откинул капюшон. Не двигаясь, он оценивающе смотрел на меня, а я – на него.

Высокий, худощавый. Темные волосы небрежно собраны в низкий хвост. Бледная, однако не выглядевшая нездоровой кожа. Высокие скулы, чуть выдающийся вперед заостренный подбородок. Сложенные в легкой пренебрежительной усмешке тонкие губы. И бездонные стальные глаза. Уф, ну и привиделось же мне со страху, будто они светились и меняли цвет! Но все равно красивые. Такие бы девушке!

– Рад, что оправдал твои ожидания, – снисходительно заметил мужчина. – Надеюсь, ты тоже оправдаешь мои.

Вздрогнула, сообразив, что он читал мои мысли. Но как?

– Это совсем несложно.

Мужчина шагнул ко мне. Прежде, чем успела среагировать, цепкие пальцы ухватили за подбородок, развернули в профиль.

Какой же он высокий! Я тоже не коротышка, но едва доходила ему до плеча.

– Тихо!

Он произнес эти слова практически шепотом, но я покорно замерла, повинувшись неведомой силе. Будто мой разум, мое тело отныне мне не принадлежали.

Прохладные пальцы скользнули выше, к вискам.

Стальные глаза, не мигая, смотрели на меня, гипнотизируя. С ужасом осознала, что дышу через раз, а скоро, наверное, и вовсе перестану.

– Ну нет, тебе пока рано оправляться в Сады мертвых.

Мужчина отпустил меня, и я едва не захлебнулась от избытка хлынувшего в легкие воздуха.

– Если хочешь отомстить не на словах, докажи. Я вернусь через год или два и решу, стоит ли тебе помогать.

Контурсы тела мужчины дрогнули, стремительно тая в воздухе.

Будто специально дожидавшаяся его исчезновения Дейра возникла на пороге храма.

– Что случилось? – встревоженно спросила она.

Промолчала, продолжая смотреть туда, где только что стоял неизвестный. Колдун ли? Меня не покидала навязчивая мысль, что я действительно беседовала с богом.

* * *

– Я не выйду за вас замуж.

Понятия не имею, сколько раз нужно повторить это Фарнафу, чтобы он наконец понял. С моменты кончины отца минул год, и весь этот год кузен донимал меня предложениями руки без сердца.

– Но Верховный совет полагает...

– Вот пусть Верховный совет на вас и женится. Или выйдет за вас замуж – не знаю, как тут правильнее.

Не успела я вернуться с конной прогулки, как ко мне пожаловал кузен. Выгнал служанку и завел старую песню.

– Правильнее было бы выполнить предсмертную волю вашего отца.

Фарнаф развалился в кресле, закинув ногу на ногу. В моем кресле, между прочим, в моей спальне. А я стояла перед ним, словно провинившаяся воспитанница, не успев переодеться, сжимая в руке хлыст. Так хотелось отлупить им кузена! Но до поры я держала лицо, хотя мой оскал в тридцать два зуба сложно было принять за приветливую улыбку.

– Я не выйду за вас замуж, – словно механическая шка-тулка, повторила я и швырнула хлыст на постель.

Следом полетела шляпка с вуалеткой – неудобная, вечно слетавшая с головы вещица, которую приходилось носить из-за статуса.

Шурша ассиметричной юбкой амазонки – на людях мне приходилось ездить в дамском седле, которое изобрел мечтавший скорее овдоветь женоненавистник, – прошла к туалетному столику и устало плюхнулась на мягкий пуфик. Краситься я не собиралась, просто хотела сесть. Не на кровать же! Этак Фарнаф решит, будто я сразу предлагаю вступить в супружеские отношения.

Голова гудела.

У меня час свободного времени, всего час, неужели нель-

зя оставить меня в покое?

Наивная, два года назад я полагала, будто вопрос с замужеством решен. Сорвалась помолвка, сказала наедине кузне «нет», и свободна. Как же! Сначала сестра, потом тетка-герцогиня, теперь Фарнаф... Потом что, делегацию Верховного совета пришлют, официальным указом обяжут?

Кто бы сомневался, единолично править Алхене не позволили. Для порядка сослались на ее слабое здоровье и быстро образовали совещательный орган из цвета нации. Только для совещательного органа Верховный совет дал себе слишком много воли, лез в нашу с Алхеной личную жизнь. На сестру тоже наседали с замужеством. Мол, стране необходим защитник, а еще наследник, Кентигерн не дремлет.

Колдун тоже посватался к Алхене. Вот наглец! Написал, мол, королевство ей не под силу, а он, так и быть, облегчит ей ношу, избавит от проблем. Сестра письмо порвала – какого еще ответа ожидал от нее убийца?

– Арли, – поморщилась, когда Фарнаф назвал меня семейным прозвищем, – у нас нет выбора. Армия Кентигерна растет, культ темных богов медленно, но верно продвигается на юг.

– Знаю, знаю, – состроила кислую мину, – только не вижу никакой связи между моим браком и поражением Кентигерна.

А вот между его смертью и моими тренировками она прямая. Я упорная, когда-нибудь отрублю колдуну голову.

– Он захватил Волф. Губернатор погиб, отказавшиеся принять его сторону чиновники принесены в жертву Шелоку. Остатки армии бежали.

Новость ножом полоснула по горлу.

Выходит, Волф уже пал. Если дальше так пойдет, вскоре Кентигерн вступит в столицу. По морю от Волфа до Анжера в устье Уэрлины неделя пути, до Санины – и того меньше.

Отогнала от себя панические мысли. Мы справимся, он не посмеет! С нами Амандин и другие боги. Вдобавок основная армия сосредоточена на юге и в центре страны, мы дадим Кентигерну знатный отпор. Плевать, что он колдун, опрокинем его в море и утопим.

– Нам повезло, что корабли успели уйти в море, – озвучил мои опасения Фарнаф, – иначе бы я настаивал на срочном отъезде ее величества в Оурдан. И вашем тоже. Если бы вы стали моей женой, все было бы проще.

– Что именно проще?

Одну за другой вытащила шпильки и, не стесняясь кузена, распустила волосы.

– Какая ты красивая!

В отражении видела, что он смотрит на меня.

Фарнаф встал и подошел ко мне со спины. Ладони легли на плечи.

– Почему-то я всегда воспринимал тебя маленькой девочкой, а ты, оказывается, выросла.

Наклонившись, Фарнаф коснулся губами моей щеки. По-

добный жест, равно как резко изменившаяся манера поведения, мне крайне не понравились. Равно как и переход на «ты».

– Пытаешься соблазнить?

Скептически изогнув брови, обернулась к нему. На «ты», так на «ты», мы родственники, меня этим не смутить.

Нас разделяло меньше вытянутой ладони, но я не боялась. Как бы семейство Эсамад ни жаждало заполучить меня в свои сети, до изнасилования кузен не опустится.

– Тебя? Вряд ли!

Фарнаф скептически покачал головой и, к моему облегчению, вернулся на прежнее место.

– Всего лишь хочу оградить от бед и сохранить кровь Акмелуров. Давай говорить начистоту, Арлайн.

Кивнула, приготовившись слушать.

– Чем скорее появится наследник престола, тем лучше.

– Вообще-то наследница уже есть – я.

Фарнаф отмахнулся.

– Речь о наследнике мужского пола, и ты это прекрасно знаешь. Пока таковым считаюсь я. Именно я стану следующим правителем Лиэны. Ты могла бы стать королевой. Я очень уважал дядюшку и действительно хочу позаботиться о его дочерях, обеспечить вам с Алхеной достойную жизнь.

– И поэтому ты надумал отобрать у сестры трон? – фыркнула я. – Ну и подвинуть меня в очереди к престолу.

Кузен пожал плечами.

– Либо я, либо Кентигерн. Армии нужна твердая рука, мужская рука. И гарантии. Я смогу достать денег, заручусь помощью соседей...

– ... и вышвырнешь нас с сестрой на улицу. Очень родственному!

Даже интересно, Верховный совет в курсе далекоидущих планов Фарнафа? И, если нет, как он к ним отнесется. Это же государственная измена!

– Алхена не способна родить. Ты можешь. Я согласен сделать тебя регентом при нашем сыне, если тебе так принципиально.

Состроила рожицу:

– Не хочу!

– Хватит, Арли! – Он стукнул кулаком по спинке кресла. – Траур снят, тебе скоро восемнадцать, ты больше не ребенок. Подумай хоть раз о Лиэне!

– Представь себе, я только о ней и думаю.

Фарнаф поднялся с кресла и направился к двери.

– Тогда я порадую королеву, скажу, что ты ответила согласиём. Из меня выйдет хороший муж, Арли, – зачем-то добавил он.

Наплевав на все правила и условности, со стоном повалилась на кровать.

Когда же это закончится?!

Не спорю, теоретически Фарнаф не так плох. Отринув разницу в возрасте и взглядах, он не игрок, не пьяница,

не волокита. Лицо тоже приятное. От отца, моего покойного дяди, ему достались тонкий нос и серые глаза. От матери – каштановые волосы и высокий лоб. Словом, жених и жених, выйти в свет можно, но не хотела я становиться герцогиней Эсамад! И королевой-консортом тоже.

Кузен вернулся, аккуратно присел на край кровати и вкрадчиво поинтересовался:

– Ты боишься первой брачной ночи, Арли? Ну конечно, тебя именно это пугает, то, что я наседаю с детьми. Не бойся! – Его рука коснулась моей, погладила. – Я не причиню боли, отнесусь к тебе со всем уважением и не стану требовать скорейшей беременности. Ты сначала успокоишься, а потом оно само...

Наклонившись, он вновь попытался меня поцеловать, но тут уж я увернулась и, перекатившись, спрыгнула по ту сторону кровати.

– Хорошо, хорошо! – Фарнаф примирительно поднял руки в ответ на мой возмущенный взгляд. – Я не притронусь к тебе до свадьбы. Все в рамках этикета. Просто мне казалось, что тебе будет легче, если ты привыкнешь к моим прикосновениям.

– А я не желаю привыкать!

Не хочет уходить, так уйду я. Буду ужинать в амазонке, грязная и потная.

Хлопнув дверью спальни, духом смерти вылетела в коридор и едва не сшибла с ног какого-то человека. Сначала

я приняла его за слугу, но потом засомневалась. Лакеи носят ливреи, а этот в охотничьем костюме, с нелепым посохом в руке. Заподозрив неладное, медленно перевела взгляд на вытянутое лицо незнакомца и встретила с его водянистыми бесцветными глазами.

– А, это ты! – Губы мужчины исказила пренебрежительная гримаса. – Одна из принцесс.

Меня словно обухом по голове ударили.

Посох, маленькие злобные глазки... Уж не Кентигерн ли это?

– Мне нужна твоя сестра, – подтвердив мои догадки, потребовал колдун.

Какой же он мерзкий, похож на крысу! Щупленький, низенький, с длинными светлыми волосами. Чистыми, заплетенными в затейливую косу, но все равно противными.

– Зачем? – Стиснув кулаки, всеми силами сдерживала клочкотавшую внутри ярость. – Чтобы мучить ее? Будто вам мало отца и брата!

Плотину внутри прорвало. Не заботясь о последствиях, плюнула ему в лицо:

– Чтоб вас при жизни дотла сжег Дрегон!¹

Ослепленная гневом, ринулась на колдуна, но ударить не сумела. Неведомая сила отшвырнула меня к стене. Ключ

¹ Получеловек-полудракон, палач загробного мира. В зависимости от степени вины грешные души либо остаются в его пещере, тяжким трудом отработывая свое перерождения, либо погибают, сожженные его дыханием.

чицу пронзила острая боль.

– Заткнись, шавка!

Кентигерн направил на меня острие своего посоха. Еще немного, и оно полоснет по горлу, оставив на память кровавый росчерк.

– Где Алхена?

– Какая разница?

Похоже, при падении я ударилась не только спиной – голова гудела, словно в ней вздумали бить в колокола.

Эх, вырвать бы посох и вонзить его в черное сердце! Но первый порыв прошел, я сознавала, что ничего не могу сделать, только зря погибну.

Позвать Фарнафа? Но тогда род Акмелуров окончательно прервется. Пусть циничные слова кузена ранили душу, мы оба понимали: он прав. Пусть уж женится на Алхене, спасет страну.

– Ты грубишь мне, – нахмурился Кентигерн. – Разве тебя не учили, что маленьким девочкам нужно почтительно относиться к старшим?

– Только к тем, кого следует уважать.

Я смело отвела посох от горла и поднялась на ноги.

Взгляд снова и снова возвращался к суковатой палке с мерцающим кристаллом.

Может, все-таки попробовать, чем я рискую? Все равно принцесса из меня никудышная...

– Дрянь! Подожди, скоро я всерьез займусь твоим воспи-

танием.

– Алхена скорее умрет, чем выйдет за вас замуж! – раскрасневшись, выкрикнула я.

– Ничего, выйдет, как миленькая! – усмехнулся колдун. – Ей некуда деваться. А если станет упрячиться, просто исчезнет, как досадное недоразумение. Ну и ты заодно.

– Ненавижу!

Плохо соображая, что делаю, накинулась на Кентигерна с кулаками, но пальцы ударили пустоту. Я пробовала снова и снова, металась за ним по всему коридору – бесполезно. Кентигерн забавлялся, играя со мной в кошки-мышки, в самый последний момент перемещался в пространстве.

Измотанная, униженная и раздосадованная, я рухнула на пол. Ноги гудели. Слегка подташнивало.

– Мне плевать на твои чувства.

Кентигерн материализовался подле меня, шагнул из пустоты.

– Ты никто. Когда я стану королем, выдам тебя замуж за мелкого восточного князька. А что, – он склонился надо мной, разглядывая, словно барышник на ярмарке, – они светленьких любят, с нежной кожей, голубоглазых. Станешь восьмой женой в гареме, вечно беременной, запертой в четырех стенах. Там тебя быстро научат покорности. Ну или отправят в плаванье с холщовым мешком на голове.

Колдун хрипло рассмеялся. Отчего бы ему не торжествовать, это я, жалкое, ничтожное создание, сию на полу и ни-

чего не смогу с ним поделаться. Однако моего духа ему не сломить.

– Вы никогда не станете королем! Я сделаю все, чтобы не допустить этого.

– Да что ты можешь, пигалица? – отмахнулся Кентигерн. – Пустые угрозы!

И пригрозил:

– Не прикусишь язык, и вовсе продам на невольничьем рынке. Расплатишься за ущерб, который нанес мне твой отец.

– Подонок!

Маленькая месть свершилась – моя ладонь оставила яркий алый след на лице колдуна. Последовавшая за этим острая боль не испортила торжества. Пусть он сломал мне руку, зато я отомстила. Пока не за родных – за те гадкие слова, которые ушатом помоев лились из его рта.

Ничего, совсем скоро я посмеюсь на твоей могиле!

– Что случилось?

Привлеченные шумом, ко мне спешили слуги, Фарнаф. Услышали, наконец!

Перевела взгляд туда, где только что стоял Кентигерн. Разумеется, испарился. Трус!

– Ничего, – отказавшись от помощи, самостоятельно поднялась на ноги. – Я всего лишь защитила фамильную честь Акмелуров.

Глава 3

Арлайн

Встреча с Кентигерном не давала мне покоя. Снова и снова прокручивала в голове события тех минут. Какой жалкой я была, какой никчемной! Возомнила себя спасительницей королевства, в горячке скорби пообещала одному из бессмертных убить колдуна – и что в итоге? Когда он появился, я превратилась в беспомощного котенка. Зачем отрабатывать приемы, делать подсечки и махать мечом в фехтовальном зале, если мой максимум – наброситься на него с кулаками.

– Я неудачница!

Подхватив с земли плоский камушек, со всей силы запустила его в пруд. Голяк блеснул на солнце и, пару раз подпрыгнув на водной глади, ушел на глубину.

– Прав Верховный совет, права Алхена, я гожусь только для замужества.

Второй камушек последовал за первым.

Безмозглая принцесса, сопля, размазня – я не жалела себя.

Решено: отныне занимаюсь вдвое больше. Не какой-ни-

будь историей или танцами, а оружием. А еще попытаюсь уговорить капитана стражи инсценировать нападения. Случай с Кентигерном показал, что я теряюсь при неожиданностях, нужно себя к ним приучать. Пусть на меня каждый раз нападают люди с разной техникой, разного возраста и телосложения. Тренироваться в открытую, с одним и тем же партнером не выход. Я назубок знаю все финты Гордона, да и бьет он вполсилы, боится наставить синяков.

М-да, синяки – это проблема! Придется как-то объяснять их появление. Пусть оружие тренировочное, оно тоже оставляет отметины.

А, спишу все на падение с лошади. Мол, никудышная из меня наездница.

Нет, плохо. Этак мне запретят ездить на прогулки одной. Положим, мне и так это запрещено, но до поры сестра закрывает глаза на мои вылазки.

Отправив в полет очередной камушек, уже вяло: все эмоции я истратила на предыдущие, запрокинув голову, попыталась определить время по солнцу.

Сейчас мне полагалось сидеть в душном классе и монотонно бубнить чужую генеалогию, но я сбежала. Догадываюсь, Маркей, мой учитель, уже доложил обо всем сестре. Пускай! Может, знание, чья прабабка была племянницей кузена-третьей-пятки, и облегчает жизнь, но не мою. Я не видела смысла в мертвых языках, дурацких правилах придворного этикета, которые мне упорно пытались навязать, ну а я

с тем же упорством отвергала. Они не несли никакой практической пользы. Даже в плане замужества. Вряд ли умение сложить оду и правильный наклон головы смягчили бы суровый характер мужа или заменили общие интересы.

Кстати о муже. Давненько Фарнаф не появлялся! Заваливал меня цветами, которые я выкидывала в окошко, а тут пропал. Сдается, не к добру. И герцогиня тоже слишком тихая, вежливая. Вчера заметила ссадину на моей руке, ни слова не сказала.

Размышляя о коварных планах семейства Эсамад, неспешно направилась к дворцу.

Возвращаться совершенно не хотелось, тем более меня ждала очередная отповедь о недопустимости «подобного поведения для королевской особы», но не сидеть же у пруда целый день!

Что там у меня дальше?

Скорчила трагическую гримасу.

Музыка!

Вот уже пять лет я безуспешно пыталась освоить клавишин. И так же безуспешно надеялась, что учитель оглохнет от моей какофонии. Но, увы, маэстро Питти упрямством превосходил меня, раз за разом заставлял играть гаммы и петь. Нет, вы представляете меня поющей? С башней из волос и цветов на голове, в голубом платье с оборками, трепетно прижатыми к груди руками. Именно такой, по мнению маэстро, я должна предстать перед подданными на дне

рождения сестры. По мне, лучше умереть!

Я бы с удовольствием пропустила и музыку, но не могла. Алхена знала о моей нелюбви к искусству, поэтому неизменно выкраивала полчаса в своем напряженном графике, чтобы прийти послушать. Она тихо сидела в углу, не вмешивалась, только изредка бросала гневные взгляды, когда я, по ее мнению, капризничала.

Помяни сестру – она появится!

Притаившись за зеленой изгородью, наблюдала на Алхеной, прогуливавшейся с министром двора. Наверное, опять обсуждали, как сократить расходы, хотя, видят боги, они и так дошли до критического минимума.

Лишь бы меня не заметили! Одно дело, когда тебя отчитывают наедине, совсем другое – при посторонних. Ничего, проберусь во дворец через черный ход. На кухне давно привыкли, что младшая принцесса спует между печей. Лакеи тоже не обратят внимания, главное, чтобы я не мешала им играть в карты.

Поискав глазами тропинку к птичнику, заметила странного человека. Сначала я приняла его за садовника, но быстро поняла, что ошиблась. Мужчина держал вовсе не секач, а блокнот. Сгорбившись, прячась за кустами, он, оставаясь невидимым, следовал за Алхеной, записывал каждое слово.

Сердце забилось чаще.

Шпион! Но чей? Вряд ли Кентигерна: тот предпочитал действовать с позиции силы. Ничего, сейчас выясним.

– Стража! – набрав в грудь побольше воздуха, завопила я. Плевать на выволочку, главное, чтобы мерзавца схватили.

Геройствовать не стала: вдруг у него нож? И что, мне веткой от него отбиваться, кулаками махать? Опыт показал, удача в этом случае не на моей стороне.

Шпион резко подскочил, обернулся. Каким взглядом он меня одарил! Мог бы, испепелил на месте. И бросился наутек. Я, разумеется, следом: когда там стража наконец проснется?

Он в розарий – и я в розарий.

Он через кусты – и я через кусты.

Славная вышла скачка!

И ведь я бы выиграла, догнала, если бы не проклятые юбки! Подол зацепился за гвоздь. Пока рванула на себя ткань, пока вырвалась из хватки деревянной шпалеры, шпиона и след простыл.

В досаде обшарила все вокруг – как сквозь землю провалился!

Тут и стража подросла, к шапочному разбору. И тоже никого не нашла. То ли шпион был с кем-то в сговоре, то ли действительно умел летать.

* * *

На следующий день во время вечернего чая в гостиную без доклада вошел главный церемониймейстер и, склонив-

шпись над Алхеной, что-то возбужденно прошептал ей на ухо. По реакции сестры поняла: очередные дурные новости.

– Что случилось?

Отодвинув чашку, незаметно коснулась Алхены ногой под столом. Она вздрогнула, посмотрела на меня. В глазах на мгновение промелькнули страх и смятение.

– Ничего.

Кто бы сомневался, она тут же надела маску.

Недоверие Алхены больно ранило. Я сестра ей, а не какой-нибудь министр, какие между нами могут быть секреты?

– Хорошо, не хочешь, не говори.

Поджав губы, уставилась в окно.

Пить чай окончательно расхотелось, даже аромат сдобных булочек больше не дразнил нос.

Неужели я действительно никудышная? Или дело в коро-не? Как только Алхена ее примерила, сразу отделилась от меня. Прежде мы часто сидели в моей спальне перед сном, в одних ночных рубашках собирались под одеяло и секретничали. Теперь ей не до моих глупостей. Алхена совсем взрослая, чужая, правительница.

Тяжко вздохнув, сжала кулаки.

Если бы я стала королевой, никогда бы так не поступила.

– Арли, я не хотела тебя обидеть, – мягко заверила Алхена.

Вскоре я ощутила ее робкое прикосновение – сестра про-сила прощения.

– Ну?

Зыркнула на слугу, и тот тут же скрылся за дверью.

Свидетелей больше нет, можно спокойно поговорить.

– Большая корона пропала, – на одном дыхании выпалила

Алхена.

Бум! Меня словно ударили по голове.

Сказанное сестрой казалось нереальным.

– Как пропала? Куда попала?

Она же в сокровищнице. Ключ от нее есть только у Алхены, ну, может, еще у церемониймейстера. В последний раз корону доставали... Собственно, должны были достать в следующем месяце, на официальную церемонию вступления сестры на престол. Фактически она получила бразды правления сразу после смерти отца, коронация – лишь красивая формальность, но без нее нельзя. Считалось, что некоронированный монарх – неполноценный монарх. Этим могли воспользоваться его недоброжелатели и...

– Но это еще не все. Вторая новость еще хуже, – кисло улыбнулась Алхена.

Куда уж еще хуже? Оказалось, есть куда...

– Кентигерн короновался.

Жалобно звякнули чашки – это я неосторожно ухватилась за скатерть.

– Нашей короной?

– Надеюсь, что нет.

Мы обе понимали, чем обернулась бы подобная церемо-

ния.

Кентигерн популярен на севере. При всей его жестокости к чиновникам и королевской армии, простой люд относился к нему с симпатией. Он снизил налоги, превратил некогда захолустный Добис в столицу, обеспечил многих работой. Вдобавок в его армии быстро делали карьеру, а офицерское звание позволяло претендовать на дворянство. Так говорили наши агенты, у меня не было оснований им не верить.

– Успокойся! – Я встала, крепко обняла сестру. – Он самозванец, никто его не признает.

Мы обе знали: я лукавила. Нам неоткуда ждать поддержки, если Кентигерн осадит Лиэрну, придется бежать в Сильдар, к дяде, надеяться, он согласится нас принять.

Угорье нам не помощник. Местные кланы грызутся между собой за власть, им нет дела до того, что творится за руслем Вадекса. Восточные князьки и вовсе порадуются, попытаются отхватить жирный кусок. Им давно не дает покоя Деринг, переманивающий купцов из их портов. Так что Кентигерн рассчитал верно, нам действительно некуда деваться.

– А, может, она и не пропала вовсе? – выдвинула я абсурдное предположение.

Очень уж хотелось спрятаться за шитой белыми нитками ложью, как за щитом.

– Хорошо, убедись сама.

Алхена поднялась со стула. В молчании последовала

за ней. Так, не проронив ни слова, с одинаковым выражением тревоги на лице, мы добрались до сокровищницы.

Последняя надежда разбилась вдребезги – вместо короны на бархатной подушечке зияла пустота.

– Кто дежурил?

Алхена развернулась к маявшемуся чуть поодаль капитану королевской стражи. На нем лица не было. Догадываюсь, нашим занятиям пришел конец. Хорошо, если его просто разжалуют в солдаты, а не казнят.

– Кто? – так и не получив ответа, повторила вопрос сестра.

Я и не подозревала, что она может быть такой грозной! Алхена не поднимала голоса, однако от ее слов по телу бегали мурашки.

Капитан кивнул кому-то за своей спиной. Несчастный, гулко сглатывая, приблизился к олицетворявшей сейчас суд Дрегона Алхене, и клятвенно заверил, что не отлучался со своего поста.

– Он не лжет. Я не счел нужным его беспокоить и сам взял то, что хотел.

На этот раз я осталась довольна своей реакцией. Если бы на месте Кентигерна стоял обычный человек, он корчился бы от боли, но, увы, моя ладонь рассекла пустоту.

– Неплохая попытка, звереныш! – оскалился переместившийся в другой угол сокровищницы колдун. – Метила в горло, правильно рассчитала рост.

Я сочла ниже своего достоинства ответить, ограничив-

шись убийственным взглядом.

И тут я увидела ее – корону. Мерзавец держал ее в руках и, судя по всему, собирался примерить!

– Ну как?

Кентигерн водрузил на голову символ чужой власти.

– И по размеру. Немудрено, ведь ее переделали под Ивара, для женщины она слишком велика и тяжела.

– Ничего, как-нибудь справлюсь, – заверила Алхена.

Стиснув кулаки, она колебалась, постоянно оглядывалась на гвардейского капитана, но все не решалась отдать приказ.

– Но корона без трона – пустая игрушка, верно? Увы, мне удалось провести только малую церемонию в Добисе. Так, для узкого круга лиц. А трон, он здесь, в Лиэрне, и я собираюсь его официально занять. По всем правилам, с помпой, приглашенными послами и монархами других государств.

Упиваясь собственной безнаказанностью, Кентигерн шагнул к Алхене. Инстинктивно загородила сестру, готовая в любой момент дать отпор. Плевать, что у меня нет оружия, ноги, руки, зубы тоже сойдут. Вдобавок в сокровищнице полной тяжелых вещиц, предки не обидятся, если я проломлю колдуну голову золотым подсвечником.

Однако сколько же хлама! Надо его продать, а на вырученные деньги...

– Верните корону, она вам не принадлежит.

Алхена легонько оттолкнула меня и смело протянула руку. Я восхищалась ей. Из всех нас, только сестра сохранила

хладнокровие и трезвость ума.

– О! – Глаза Кентигерна блеснули. – Так вы согласны выйти за меня? Наконец-то! Признаться, я устал ждать.

Любовно погладив, колдун вернул корону на бархатную подушечку и галантно склонился над рукой Алхены.

– Когда свадьба? Мне не терпится переехать сюда. Обойдемся без пышной церемонии, похвастаться женой я еще успею.

Ухмыляясь, он запечатлел поцелуй на ладони сестры. Алхену передернуло от отвращения.

– Из нас выйдет отличная пара, моя дорогая! – поглаживая ее кожу, добавил Кентигерн и прикрикнул на гвардейцев:

– Что встали? Пошли вон!

И они действительно попятились. Предатели!

– Пока я еще здесь королева, – прогремел под сводами сокровищницы голос Алхены.

Она вырвала руку и вlepила Кентигерну звонкую пощечину:

– Вот вам мой ответ.

И отдала приказ:

– Взять его!

– Ты еще пожалеешь, дура! – потирая покрасневшую щеку, процедил Кентигерн. – Скоро все в этой стране станет моим, ты и твоя сестра на коленях будете молить о пощаде. Гнилому роду Акмелуров пришел конец, Лиэна получит нового, достойного правителя и истинных богов.

Он так близко, на время утратил чувство опасности, я не могла не рискнуть. Воспользовавшись растерянностью трусливых гвардейцев, выхватила у одного из них меч и ринулась на Кентигерн. Увы, оружие оказалось слишком тяжелым, не для девичьей руки, я не смогла толком размахнуться. Однако первая кровь пролилась: на запястье колдуна осталась алая отметина.

– Я все равно убью тебя, слышишь! – задыхаясь, крикнула в пустоту. – Клянусь честью Акмелуров!

Увы, Кентигерн исчез. Но, самое гадкое, он прихватил корону.

– Что на тебя нашло? – вместо поощрения напустилась на меня сестра. – Что за дурацкая выходка? А клятва? Ты хоть понимаешь, что это не игрушки?!

Упрямо молчала, сверля взглядом место, где только что стоял Кентигерн.

– Верни меч и больше не смей прикасаться к оружию!

Покачала головой.

Нет, сестренка, я еще не раз к нему прикоснусь. Ради нашего будущего. Ради твоей коронации.

И вообще, выйдите все отсюда, нам с сестрой надо поговорить. Как колдунов ловить, струсил, а тут уши развесили, смотрят.

Зыркнула на капитана. Молодец, сразу видно, не первый год меня знает, быстро вытолкнул своих ребят и дверь прикрыл. Ну вот, теперь можно все спокойно обсудить.

– Алхена... – Привалилась к стене, сложила руки на груди. Чужой меч лежал тут же, у моих ног. – Тебе не кажется, что давно пора перестать терпеть?

– Не понимаю, о чем ты, – буркнула сестра и нервно прошлась по сокровищнице.

– Я не слепая и не глухая, мне известно имя убийцы отца и брата.

– Допустим, – упрямо мотнула головой Алхена, – но у каждого из нас есть свой долг.

– Именно – долг, – кивнула я и поспешила вскинуть руку, пресекая возражения. – Только не надо говорить, будто мой заключается в замужестве! Даже если я пересилю себя, соглашусь превратиться в уменьшенную копию тетушки Ифигении с ее канарейками, Лиэну это не спасет.

– И что же ее, по-твоему, спасет? – усмехнулась сестра.

Она не воспринимала мои намерения всерьез. Еще бы, ведь испокон веков сражаются мужчины, а женщины терпеливо ждут их возле очага. Только я не комнатный цветочек, ненавижу кружевные салфетки и не согласна запереть себя в детской.

Ладно, пора признаться.

– Вот уже много лет я не та принцесса, которой ты меня считаешь.

– Неужели?

Алхена иронично заломила бровь.

– Ты все та же упрямая мечтательница. И давай закро-

ем тему! Чтобы убить Кентигерна, нужны десятки мужчин, с детства неразлучных с мечом. Если тебе так хочется помочь, организуй сбор средств для армии. Мы снарядим отряд и с помощью богов победим.

– И когда же это будет? Через год? Два? Десять?

Щеки пылали от возмущения. Неужели сестра не понимала, что у нас нет времени, что мы уже опоздали?

– Хорошо, я поговорю с Фарнафом. На этом все. Ты никуда не едешь, не даешь больше дурацких клятв и не вмешиваешься в политику. Это приказ, Арли! – топнула ногой Алхена.

Бесчестный прием, она не имела права пользоваться своей властью!

Понуро поплелась к выходу. Но последнее слово осталось за мной.

– Отец учил нас быть смелыми, честными и вести бескомпромиссную борьбу со злом, – обернувшись, кинула я в лицо Алхене. – Для Акмелуров честь семьи – не пустое слово. Жаль, что ты забыла девиз нашего рода.

Ответа я не расслышала: вихрем пронеслась по коридорам топить обиду в фехтовальном зале, снова и снова протыкать грудь набитому опилками манекену.

* * *

После тренировки все тело ныло, но то была приятная

усталость. Сегодня я занималась одна, но это даже к лучшему: не хотелось ничего объяснять Гордону и тем более встречаться с гвардейским капитаном.

Представляю какие слухи поползли по дворцу! Вести о скандалах внутри королевской семьи разлетаются быстро и обрастают невообразимыми подробностями.

Воткнув тренировочный меч в специальный держатель, вытерла пот со лба и оценила результат проделанной работы: восемь из десяти. Хотелось бы абсолютно все удары нанести в сердце, помеченное особым крестом, но восемь тоже неплохо.

Правда, нашлось и за что покраснеть. Увы, моя тренировка началась с погрома. Я схватила меч и принялась махать им безо всякой цели. Хотелось, чтобы все разлеталось в клочья, разбивалось вдребезги, пух и сено витали в воздухе. Преподаватель воинского искусства такого точно бы не одобрил, но, к счастью, он меня не видел.

Вспомнился несчастный часовой. Что с ним стало? Подозреваю, капитан его наказал.

Отыскав кувшин с водой, умылась и брезгливо наморщила нос: от меня воняло. А как иначе, если действительно отработываешь рубку и различные приемы, а не просто красиво позируешь с оружием. Именно поэтому я всегда брала на занятия сменную одежду. Однако сегодня она мне не поможет, нужно искупаться, как простолюдинке, в речке.

Усмехнулась. А ведь я сейчас и выгляжу как простолю-

динка. Чумазая, в застиранной рубашке с чужого плеча, потертых, кое-как ушитых в талии штанах, с растрепанной косой через плечо. Если прихвачу пару ножей, сойду за разбойницу.

Для всех сейчас я то ли рыдала, то ли спала в своей комнате. Давно опробованная схема – запереться изнутри, оставить ключ в замке и, прихватив узелок с самодельным фехтовальным костюмом, улизнуть через окошко. Опасно? Самую малость. Карниз широкий, веревка крепкая, крюк надежный. Вдобавок окна моей спальни выходили на юг, где бурно разросся дикий виноград. Дальше – через сад, к служебной калитке, на задний двор.

Чем хороша жизнь во дворце – при желании ты всегда найдешь возможности. Вот и мне не пришлось выбирать в город, чтобы окунуться в стальные воды Рены: ее воды омывали сад с востока. Гораздо сложнее раздеться и незаметно спуститься по склону. Не хватало, чтобы меня видели голой! Пришлось второпях окунуться у лодочной пристани и так же быстро под ней одеться.

Ну вот, теперь я снова барышня, пусть и мокрая.

Тщательно отжав волосы, распустила их, чтобы скорее высохли. Подхватив узелок с грязной одеждой (потом отдам Гордону, пусть со своими вещами отдаст в стирку), я собиралась вернуться во дворец, когда взгляд зацепился за горящий в закатном солнце гребень храма. Крепко задумалась. В прошлый раз мне не удалось получить божественный со-

вет, может, выйдет теперь? Алхена настроена решительно, заступничество сверху мне точно не помешает.

В глубине души я понимала страхи сестры. Кроме меня у нее никого не осталось, именно поэтому Алхена не желала меня отпускать. Вдобавок она вообразила, будто я слабая, боюсь крови и падаю в обморок при виде мышей. Каждый судит по себе. Меня удивляло, как можно терпеть и подчиняться, сестру – почему в моей голове так пусто.

Урчащий желудок напомнил о пропущенном ужине. Ничего, как вернусь, попрошу подать его в мою комнату. У меня нервные переживания и всякое такое. И ведь поверят! Настоящая принцесса на моем месте точно бы слегла.

Словом, вместо дворца я направилась к храму.

Передвигаться по городу в сумерках гораздо легче, чем при свете дня. Практически не таясь, я благополучно добралась до места. Ворота не успели запереть – будто меня ждали!

Солнце почти полностью закатилось за горизонт.

Ничего, успею! А если нет, заночую в домике жрицы. Дейра хорошая, никогда лишних вопросов не задавала.

Миновав пустынный храмовый сад, с последними лучами дня я скользнула в приоткрытые медные двери. В нос сразу ударил запах благовоний: роза, сандал и что-то еще. Страждущий потерпит, а остальным в храме нечего делать.

Оставив узел у дверей, – нечего тащить в обитель Амандина всякую грязь! – направилась прямиком к статуе бо-

га в конце широкого нефа, когда услышала приглушенные голоса, доносившиеся с галереи. Ее называли жреческой. Только служительницы бога их помощники-мужчины могли подниматься по ступеням за статуей небожителя. Что там, никто достоверно не знал. Может, проход в Верхний мир?

Замерла.

Неужели я опоздала, и сумеречное богослужение началось? Тогда почему не закрыли двери?

Подслушивать, конечно, нехорошо, но я не специально, во всем виновата акустика храма. В ночной тиши голоса гулко отражались под сводами, слышно каждое слово.

Жарко спорили четверо. Дейру я узнала сразу, а вот личность еще одной женщины, равно как двоих мужчин оставались загадкой.

– Такое иногда встречается. – Спокойный голос, несомненно, принадлежал умудренному сединами человеку. – Дейра сделала все, что в ее силах, не нужно ее винить.

– Зачем, зачем было хранить это здесь?! – вопрошал второй голос, женский.

В нем читалось недовольство и укор. Женщина гневалась.

– Он благополучно лежал здесь много лет, я не думал...

– Неплохо было бы начать, – заметил второй мужчина.

Его голос показался мне смутно знакомым.

– Имей уважение, ты не у себя дома! – вмешалась женщина.

Ядовитое замечание ее сильно задело. А ведь ругали не ее,

выходит, тот пожилой мужчина – ее друг или родственник.

– Прекрасно, теперь ты будешь затыкать мне рот! – Желая замять ссору, незнакомка добилась противоположного эффекта. – Сами проворонили и пытаетесь выставить меня виноватым. Да, это не мой дом, из моего дома ничего бы не украли. Если твой муж идиот... Да, и не смотри на меня так, идиот, слов обратно не возьму. Так вот, если он идиот, то я здесь ни при чем. И уж точно не собираюсь нянчиться абы с кем, пусть даже она пригрезилась тетушке во время транса. Видел я предмет ее дум – ошибка природы!

Излив душу, мужчина замолк, дальше беседовала семейная пара. Изредка они обращались с вопросами к Дейре, та почтительно отвечала. Говорили о Кентигерне, некой важной вещи, которую он украл из храма. Пропажу непременно должен был вернуть человек. Почему, я не понимала, но незнакомцы несколько раз это подчеркнули. Тот самый человек, которого увидела во сне таинственная тетка темпераментного мужчины.

– Дейра, ты уже говорила с ней?

С ней? То есть избранный – это женщина?

И тут в моей голове прояснилось. По телу пробежала дрожь.

Мамочки!

Стараясь не шуметь, медленно пятилась к дверям.

Сердце колотилось как бешенное, я практически задыхалась.

Тот пожилой мужчина... Неужели сам Амандин?! Тогда вторая женщина – Рагна, его супруга, богиня мудрости, счастья и семейного благополучия. А вот кто третий? Теперь я вспомнила: именно он насмеялся надо мной у храма, сверкал стальными глазами. Только вот ни у кого из богов я таких не помнила.

Глава 4

Арлайн

Меня все-таки посадили за вышивание. Сдается, кто-то из богов – я ставила на ворчуна из храма – поспособствовал. Или все намного прозаичнее: Алхена прознала про мои упражнения с мечом и решила положить им конец.

Терпеливо, раз за разом, втыкала иголку в ткань. И так же раз за разом распарывала стежки. Мысли мои витали далеко – вокруг короны и Кентигерна. Я здесь, вышиваю никому не нужные цветочки, изображаю тишь да благодать, а он...

Ай!

Я увлеклась грезами о мести и уколола палец.

Густая капля крови упала на канву – лишний лепесток у вышитой розы. Легла идеально, лучше, чем мои кривые потуги.

– Вы поранились, милая племянница?

Моя надсмотрщица, герцогиня Эсамад, подняла голову от книги. Сама-то она, ссылаясь на плохое зрение, не мучилась с пальцами! Впрочем, одного взгляда на книгу в ее руках хватило, чтобы понять: поменяться с ней местами я не желала. Пока вышиваешь, можно думать о чем угодно,

а вот когда читаешь Барведа, думать вряд ли вообще получится. Он писал на редкость занудные (в представлении герцогини – поучительные) романы о молодых людях. Сдается, Ифигения специально таскала их из библиотеки в слепой надежде, что я наконец заинтересуюсь, прочитаю и исправлю свое поведение. Но уж лучше умереть, чем превратиться в одну из девиц Барведа! Лет в двенадцать я по глупости открыла один роман. Смирение, скромность, податливость, безынициативность – таким виделся автору идеал женщины. Все эти качества я ненавидела, но они же помогли бы выдать меня за Фарнафа, так что конечная цель герцогини очевидна.

– Нет.

Послюнявив палец, состроила злобную мину.

Любая поняла бы: надо оставить меня в покое. Любая, но не Ифигения.

– Фи, какие манеры! – завела она старую песню. – Вы принцесса, а не дочь кабатчика!

– Дочери кабатчиков тоже бывают красивыми и образованными. Правда-правда! Например, по дороге в Санину есть...

Тут я осеклась, сообразив, что сболтнула лишнего. Поздно! Герцогиня уже захлопнула книгу и, шелестя многочисленными юбками, направлялась ко мне. Насупленные брови не сулили ничего хорошего.

– Наследнице лиэнского престола не пристало шляться

по кабакам! – Сказала как пощечину дала. – Давно пора заняться вашим воспитанием! Ничего, когда вы войдете в нашу семью, я исправлю ошибки гувернанток.

– Боюсь, этого никогда не случится.

Я с силой вонзила иглу в ткань.

– И очень надеюсь, что вы ничего не исправите, *тетушка*. – Прежде я не называла так Ифигению, да и сейчас произнесла слово с издевкой. – Лучше последовать за матушкой, чем превратиться в такую, как вы!

Герцогиня вспыхнула и глотнула воздух ртом как рыба.

Воспользовавшись ее замешательством, выскользнула из-за вышивального стана.

– Принцесса Арлайн! – полетело мне вслед.

Напрасно старалась, урок вышивания закончен.

Нет, это надо додуматься – превратить меня в бледную немочь!

Срочно требовалось куда-то деть накопившуюся злобу. Манеж подходил идеально, но переодеваться не хотелось, поэтому я просто сбежала в сад. Снесла головки парочке ни в чем не повинных цветов и забралась на причал. Вряд ли герцогине придет в голову искать меня здесь. В ее представлении барышни горестно плачут в беседках.

Скинув туфли, поставила их рядом. Следом полетели чулки.

Хорошо!

Опустив ноги в теплую воду, подставила лицо солнышку.

Порой я жалела, что родилась принцессой. Бегала бы сейчас по лесам, загорала на стоге ароматного сена... И работала от зари до зари. В своих мечтах я неизменно забывала, что крестьяне много трудились.

Ладно, стану разбойницей. Оружием я владею, пахать ничего не надо. И, самое главное, никаких назидательных книг и вышивания!

– Ваше высочество!

От неожиданности я чуть не соскользнула с причала. Утонуть не утонула бы, я неплохо плаваю, зато промокла бы с головы до ног.

– Фарнаф? Не ожидала вас здесь увидеть! – фальшиво улыбнулась я, засунув босые ноги под юбку.

Туфли остались стоять где стояли. И теперь кузен их глупокомысленно рассматривал. А потом перевел взгляд на чулки...

Может, меня и воспитали никудышной принцессой, но краснеть я умела. Когда Фарнаф поднял один чулок, и во все стала пунцовой. Нижнее белье – вещь интимная, с тем же успехом я могла выставить на всеобщее обозрение панталонны.

Но ведь на пристани всегда тихо, здесь никого не бывает! Алхене не до речных прогулок: укачивает ее, поэтому королевская барка стоит в эллинге. Иностранных гостей мы тоже не ожидаем – словом, на причале не должно было быть никого, однако вот он, Фарнаф, из плоти и крови, держит мои

чулки. Они наверняка еще теплые и... Какой стыд!

– Отдайте немедленно!

Коршуном налетев на кузена, вырвала добычу.

– Бесстыдник!

Хоть бы смутился для порядка – нет, улыбнулся, присел рядом со мной. Спасибо, тактично не заметил дырку на мизинце. Увы и ах, шелковые чулки дорогие, а в казне денег нет. Я часто носила штопанные, благо под юбками не видно. Да и платья у меня пусть и модные, из дешевой ткани.

– У вас красивые щиколотки.

– Когда только успели разглядеть? – буркнула я и потребовала: – Отвернитесь!

Ну вот, когда на мне вновь чулки и туфли, можно продолжить разговор, а то я себя голой ощущаю. Еще и комплименты эти... Умом понимаю, Фарнаф не завалит на доски, принудив выйти за него замуж... А вдруг? Лучше не искушать!

– Простите, Арли, не хотел вас испугать или смутить.

Арли... Употребление домашнего прозвища лишний раз доказывало, что он уже считал меня своей.

– Вас тетушка прислала?

Отказавшись от помощи Фарнафа, поднялась на ноги. Что толку и дальше сидеть, смотреть на воду, если настроение испорчено.

– Матушка? – удивился кузен и укоризненно покачал головой. – Опять вы что-то натворили, Арлайн!

– Ваше высочество, – из чистого упрямства поправила я.

– Хорошо, ваше высочество, – легко согласился Фарнаф.

– И ничего я не натворила. Всего лишь осаждала честолюбивые мечты некоторых.

Мимолетная тень пробежала по лицу кузена. Ну да, догадаться, о чем мечтает его мать, несложно.

– Ваше высочество, я слышал, вы вышиваете чудесные розы. Не окажите ли вы мне честь, не подарите ли вышивку, когда она будет готова?

Подозрительно прищурившись, уставилась на Фарнафа.

– А... Ммм... Подарю. Только учтите, вышиваю я отвратительно и долго.

– Зато отменно танцуете.

Широко распахнув глаза, с надеждой уставилась на кузена.

Я ведь не ослышалась, мне не показалась, у нас будет бал! Самый настоящий, с гостями и игристым. В последний раз я веселилась года четыре назад, еще при жизни отца.

Знаю, знаю, надлежит спрятать улыбку, сухо напомнить, что я в вечном трауре, пока не заплачу Кентигерну за потерю, но ноги сами начали приплясывать на настиле.

Пожалуйста, пожалуйста, милый кузен! Я согласна, как в детстве, называть вас на «ты», даже поцеловать позволю, в щечку, только развеите беспросветную скуку.

– Я подумал, немного веселья нам не повредит. – Сдается, мое поведение его забавляло. – Годичный траур по вашему отцу и моему дражайшему дяде истек, и я взял на се-

бя смелость организовать небольшой прием. Человек на сто, не больше. Ее величество уже дала свое согласие, надеюсь, и вы почтите нас своим присутствием.

– Конечно, почту.

Хотелось прямо сейчас вернуться в свои покои и перебрать гардероб в поисках платья. Уверена, там найдется что-то подходящее. Но приходилось стоять здесь, изображать принцессу, точно так же, как Фарнаф изображал обычного поданного. Хотя у него, определенно, получалось лучше.

– Осмелюсь попросить вас еще об одном одолжении, ваше высочество.

– Арлайн, – милостиво разрешила вернуться к родственному обращению.

Все же мы кузены, пусть Фарнаф и старше на целую вечность.

– Так вот, Арлайн, – прочистил горло кузен, – запишите на меня первые два танца.

Он говорил о пустяке с пугавшей меня серьезностью. Будто от того, отдам я ему эти два злосчастных танца или нет, зависела его жизнь.

– Хорошо, они ваши, – легкомысленно пообещала я.

Фарнаф с облегчением выдохнул.

– Тогда я пришлю вам приглашение.

Насторожиться бы, задуматься, но я уже кружилась в ритме вальса с невидимым партнером. Неправильная принцесса, что с меня возьмешь!

Гордон выглядел нелепо. Настолько, что всю дорогу к столичному особняку Эсамадов хихикала, прижимая ладошку ко рту. Алхена прожгла во мне дыру, но молчала. Понимаю, ей сейчас не до меня: ее мысли занимал Кентигерн. Герцогине стоило большого труда уговорить сестру поехать, и то, не удивлюсь, если она через час скажется больной и вернется во дворец. Зато я, что бы там ни гласил этикет, возвращаться вместе с ней не собиралась. Можете считать меня черствой, эгоистичной, но даже скорбь по родным не отменяла веселья. Да и разве не на это рассчитывал Кентигерн – чтобы мы поседели, захлебнулись от горя, преподнесли страну ему на блюдечке? Не дождется!

– Что-то не так? – не выдержав моих смешков, засопел Гордон и поправил сползший с плеча край пледа.

– Ну, – задумчиво возвела очи к потолку, – у нас пледы не носят.

– Это не плед, а тартан. – Гордон сделался мрачнее тучи и мимолетно коснулся серебряной пряжки, державшей сомнительную конструкцию. – Символ моего рода.

– Символ рода – одеяло?

Снова приснула в кулак. Честно, не хотела обидеть, но смешно же! И его юбка поверх кожаных брюк тоже. Сине-бело-зеленая в полоску, как и плед. Собственно, это

и есть плед, у Гордона сегодня весь наряд из покрывал, спасибо, хоть рубашку под низ надел, а то скандал!

– Тартан, – скрипя зубами, упрямо повторил приятель. – Не плед, а тартан. У каждого рода свой рисунок. И вообще, невежливо смеяться над чужими традициями! Я же молчу и терпеливо натягиваю на себя... – Тут он немного смутился. – Словом, то, что здесь положено.

– Прости! – Примирительно коснулась его руки. – Я вовсе не хотела тебя обидеть, но со стороны действительно смотрится нелепо.

Представьте себе мужчину, закутанного крест на крест в плед, перехваченный на груди пряжкой-кольцом. Снизу – простая рубашка безо всяких кружев. Еще ниже – очередной плед, кокетливо повязанный на бедрах. И довершают картину узкие кожаные штаны и ботинки на шуровке.

– Я могу еще и лицо раскрасить. На правой щеке – солнце, на левой – луна.

– Н-нн-не надо! – в ужасе замахала руками.

Герцогиня Эсамад – противная тетка, но не настолько, чтобы я желала ее смерти. Если Гордон явится к ней в парадной раскраске, бал превратится в похороны.

– Ты могла бы уделять больше внимания образованию, – подала голос сестра. – Может разразиться жуткий дипломатический скандал, если ты вот так станешь хихикать на одном из приемов.

Шумно втянула носом воздух.

Хорошо, я выучу цвета и обычаи всех кланов Угорья. Сколько их там, больше ста? Вот сто и выучу.

Вот ведь – Алхена умудрилась испортить приподнятое настроение.

Пригорюнившись, уткнулась в бархатную обивку кареты.

А ведь на мне новое муслиновое платье. Помню, как прыгала от счастья, когда Алхена выделила денег на наряды. Мол, я все же принцесса, лицо страны, не могу появляться перед подданными в обносках.

И с образованием у меня не все так плохо. Подумаешь, про тартан не знаю! Алхена бы еще про обычаи людоедов спросила! При всем уважении, Угорье не полноценная страна, у них даже правящей династии нет. Кто завоевал трон, тот и король. В результате там не прекращались междоусобные войны, а жители, как и прежде, разводили скот и били дикого зверя. То ли дело Грандва! Хотела бы я хоть одним глазком посмотреть на тамошний двор, послушать знаменитых поэтов! Их творения доходили до Лиэны с опозданием. Вот это литература, а не нравоучения Барведа! Сплошь про сражения, магию, любовь, конечно, но не сахарную, настоящую.

Резкий толчок вернул мои мысли к реальности: приехали.

Гордон проворно первым, не дожидаясь, пока слуги откинут подножку, соскочил на землю, помог выйти Алхене, а затем мне.

Дом (по факту – дворец) Эсамадов полнился огнями. Они

потратили на иллюминацию добрую половину столичного годового бюджета. Ну да Ифигения богатая, может себе позволить.

Внутри неприятно кольнуло.

Какая-то бывшая баронесса купается в роскоши, а мы, Акмелуры... У Алхены заплатить ювелиру нечем, надела мамины бриллианты, а тетушка встречает гостей в новенькой диадеме.

Нацепив на лицо фальшивую улыбку, вслед за сестрой и Гордоном поднялась по ступеням. Впрочем, тосковать в одиночестве пришлось недолго: Фарнаф вызвался стать моим кавалером. В свою очередь, Ифигения оттеснила Гордона от Алхены – каждый знай свое место. В итоге приятель вошел в бальный зал последним.

При звуках музыки мое настроение снова поползло вверх.

Уж я-то точно сидеть не стану, напрасно приготовили второй трон.

И вновь горькое воспоминание – когда-то его занимал Алистер, а нам с сестрой полагались обычные кресла.

Алхена тяжело опустилась на трон и пожаловалась на духоту. Сейчас, когда десятки свечей безжалостно освещали каждый клочок ее тела, землистый цвет лица сразу бросался в глаза.

По приказу герцогини распахнули окна, сестре принесли прохладного лимонаду.

– Не обращайтесь на меня внимания, – виновато улыбнулась

Алхена, – веселитесь!

Будто она должна извиняться за свое нездоровье!

– Если ваше величество пожелает, я могла бы распорядиться приготовить вам комнату, – не унималась Ифигения.

– Не нужно. Я всего лишь немного устала. Посижу и все пройдет. Не портите Арлайн вечер.

Удивленно подняла брови, но не придала словам сестренки значения. Да и некогда – Фарнаф окружил меня заботой, предлагал то, то другое. Осушив бокал игристого, подтвердила: первые два танца за ним, и огляделась. Хм, странно – Дейра тут. Жрицам не запрещено посещать светские увеселения, но она их обычно избегала. Вдобавок зачем-то установили небольшой передвижной помост с увитой лентами и цветами аркой. Пока его прислонили к стене, потом, наверное, выкатят в центр зала.

Перехватив мой взгляд, жрица приветливо улыбнулась. Вся в белом, с распущенными волосами, она напоминала богиню. Кошунственные мысли, надеюсь, истинные боги за них не накажут.

Гордон, как предполагала, тоже оказался в центре внимания, только иного рода, нежели он рассчитывал. Предупреждала же, не оценят плед! Ну он упрямый, и теперь над ним хихикала половина зала. Вторая, лучше воспитанная, сдержанно улыбалась.

– Ваше высочество, – подчеркнуто вежливо обратился ко мне Фарнаф, – не соблаговолите ли вы объявить бал от-

крытым? Ее величеству нездоровится...

– Конечно! – легкомысленно дернула плечиком, будто прodelывала это десятки раз.

На самом деле все внутри меня сжималось от волнения.

Подумать только, я открываю бал! Как бы не опозориться!

Опираясь на руку Фарнафа, поднялась на тронное возвышение и забрала у сестры расшитый золотом белый платок. В такой никто не сморкался, им пользовались исключительно во время разных церемоний. Взмахнешь – откроешь бал. Или отменишь казнь.

Ну да без лишних слов...

– Уважаемые леди и лорды, высокородные жители лиэнского королевства, пейте и веселитесь!

Эффектно взмахнув платком, подала знак музыкантам. Грянули первые ноты вальса. А вместе с ними Фарнаф напомнил об обещании:

– Ваше высочество?

«Боги, я почти разучилась танцевать! Какая же я неуклюжая!» – вертелось в голове, пока мы в полном одиночестве, только я и кузен, как положено открывавшей бал самой именитой паре, кружили по залу. Остальные присоединятся к нам только после первого тура.

– Вы сегодня обворожительны, словно Адия!² – прошептал мне на ухо Фарнаф.

– Осторожнее, – пригрозила я, – вас могут покарать за бо-

² Адия – богиня любви и красоты.

гохульство!

– Но это правда, вы и сами это знаете, Арлайн.

Взгляд его скользнул по моему лицу, а затем обратился на кого-то за моей спиной.

Во мне выиграло любопытство. Кто же подталкивал кузена сыпать комплиментами, у кого он искал одобрения? Исхитрившись повернуть голову, заметила герцогиню. Она стояла у подножья тронного возвышения и, глядя на нас, довольно улыбалась. Алхена тоже пристально следила за танцем. Перехватив мой взгляд, она одобряюще кивнула и выдавила из себя улыбку.

– Так, что здесь происходит, Фарнаф? – нахмурилась я, заподозрив неладное.

Ладонь на его плече напряглась. Я в любую минуту готова была сбежать, бросить Фарнафа одного.

– Ничего особенного.

Невозмутимый кузен попытался унять мою тревогу, но добился противоположного эффекта. Былая легкость улетучилась. Я с трудом передвигала ноги, негодуя на музыкантов: когда, наконец, закончится проклятый вальс? Не могу же я ругаться с Фарнафом у всех на виду. Он что-то скрывал, это очевидно!

Но тайное стало явным безо всяких вопросов.

Стоило смолкнуть последним тактам музыки, как кузен крепко стиснул мою ладонь, попросил задержаться.

Странное, неловкое ощущение – мы снова одни в центре

зала, но уже без музыки.

Развернувшись к королевскому возвышению, Фарнаф кивнул матери и, по-прежнему не выпуская моей ладони, опустился на одно колено.

– Ваше высочество, Арлайн, согласны ли вы?..

Конец фразы потонул в звоне в ушах.

Все внутри меня обмерло, заледенело.

Затравленным зверем огляделась по сторонам. Все, решительно все ждали от меня положительного ответа!

Тот помост... Когда слуги направились к нему, чтобы с противным скрежетом в воцарившейся тишине подкатить его к Дейре, я окончательно все поняла. И точно знала, что отвечу.

– Нет!

Выкрикнув короткое слово во всю мощь своих легких, вырвала руку и попятилась.

По залу пролетел легкий ропот.

Гордо вскинула голову.

А чего вы ожидали, покорной овечки на закланье?

– Как – нет? – опешил Фарнаф.

Он по-прежнему стоял посредине зала в самой нелепой позе.

– «Нет» означает, что я отказываюсь стать вашей женой.

– Речь пока только о помолвке. Мы поженимся осенью, после вашего совершеннолетия.

– Хоть осенью, хоть весной – нет, нет и нет! – притопнула

я ногой.

Шум голосов постепенно нарастал. Неслыханное событие – на глазах у всех отказать такому жениху!

Я ловила на себе многочисленные укоризненные, осуждающие взгляды, но менять своего решения не собиралась. Пусть даже против меня ополчится вся Лиэна! Я не раз и не два твердила всем: отцу, брату, сестре, тетке, кузену, – что не стану графиней Эсамад. Если они не желали слушать, не принимали мои слова всерьез – их проблемы.

Фарнаф побледнел и рывком поднялся на ноги, отряхнул колени. Он с трудом держал себя в руках; под кожей гуляли желваки.

– Как угодно вашему высочеству, – обдав холодом северных морей, процедил кузен и, повернувшись ко мне спиной, гордо направился прочь, переживать свой позор.

Сдается, и мне пора бежать с бала, пока не растерзали.

Не успела: кавалерия в лице Ифигении уже спешила ко мне.

– Несносная девчонка! – Герцогиня налетела словно ураган, едва не забылась, не надавала пощечин. – Как ты могла?!

– Не «ты», а «вы», – холодно ответила я. – И я многое могу, потому что принцесса.

Неплохо бы отойти в сторонку: надоело быть местной достопримечательностью. Игристого, что ли, выпить? А второй бокал вылить на Ифигению, немного охладить ее пыл.

– Королева весьма вами недовольна, – поджала губы гер-

цогиня. Ну да, на принцессу-то ответить нечего. – И требует вас к себе.

А вот это плохо. Очень плохо. Неужели Алхена на стороне Эсамадов?

Стараясь сохранять королевское достоинство, будто мне самой захотелось присесть, забралась на лобное место... тьфу, тронное возвышение.

Алхена действительно метала громы и молнии.

– Оставьте нас! – приказала она.

Даже неумной Ифигении пришлось подчиниться.

– Что ты натворила? – свистящим шепотом напустилась на меня сестра. – Твоя выходка может стоить мне короны!

Нахмурилась, соображая:

– Так ты поэтому поехала, ты знала?

Алхена кивнула:

– Разумеется. Бал дают по поводу твоей помолвки, но теперь... Право, я не знаю, как смотреть несчастному Фарнафу в глаза! Ты опозорила его, ты об этом подумала? Думала, как отразится твой отказ на его репутации?

Я в долгу не осталась:

– А он думал, когда делал мне предложение? Какого ответа он ожидал?

– Арли! – Сестра на миг смежила веки. – Тебе почти восемнадцать, а ты мыслишь как дитя! Сколько раз мне тебе повторять: ты принцесса, твой долг...

– Знаю, знаю, – скривившись, перебила я. – Наплодить

детишек и умереть в один день с постылым мужем.

Но я не хочу!

Идея сбежать, избавиться от ярма фамилии казалась как никогда заманчивой. Охотница, разбойница – кто угодно, только не герцогиня Эсамад!

– Почему – постылым? – растерянно переспросила Аллена. – Фарнаф – хороший человек, вы знакомы с детства. Прежде ты к нему хорошо относилась.

– Прежде он не пытался на мне жениться.

– А что здесь плохого? Он подпишет контракт... Мы говорили, Фарнаф делился твоими опасениями, согласен в будущем отказаться от единоличной королевской власти.

Скорчила гримасу:

– Как благородно с его стороны!

– Да, благородно. Он сын твоего дяди, точно такой же наследник трона, как и ты. Хватит относиться к нему с незаслуженным высокомерием!

Пристыженно потупилась. И все же...

– Я его не люблю. Вдобавок он старше меня.

– И мудрее. Тебе необходима твердая рука, а мне – уверенность в завтрашнем дне. Мы обязаны удержать власть, сохранить ее в семье.

– Не беспокойся, я ее сохраню. Но другим способом. Если уж приносить себя в жертву, то на своих условиях. Да и что Фарнаф Кентигерну? Так, плюнуть и растереть.

– У него есть деньги... Арли?

Сестра напряглась, сообразила, куда я клоню. В глазах мелькнул панический ужас.

– Только не говори, что ты по-прежнему одержима дурацкой идеей мести! Я запретила подпускать тебя к оружию...

– Так это ты?

Одним вопросом меньше. А я-то гадала!

– Да, я, И, если потребуется, заставлю тебя выйти за Фарнафа. Не забывай, я не только твоя сестра, но и королева.

– В спальне тоже рядом постоишь, проконтролируешь, чтобы не сбежала? Или прикажешь привязать меня к кровати, чтобы Фарнаф успешно выполнил супружеский долг?

Лицо мое пылало. Обида на сестру росла словно снежный ком. Она, самый близкий, родной человек, предала, не понимала... Какие деньги, если бы в борьбе с Кентигерном помогли деньги Фарнафа, я бы давно сказала «да». Только вот у колдуна золота в достатке, он кого угодно подкупит. Единственный способ удержать нашу династию на троне – не плодить детишек с фамилией Эсамад, а убить Кентигерна, только тогда все кончится.

Глаза застилала слезы.

Наплевав на то, что обо мне станут говорить (вряд ли услышу что-то новое), рухнула на малый трон, зарыв лицо в ладони. Плакала беззвучно, как и полагается королевской особе. И недолго. Потом просто не желала поворачиваться, смотреть на ту же герцогиню.

И все же меня заставили повернуться – кто-то ласково

коснулся моей щеки. Дейра. Она мягко улыбалась, казалось, единственная из всех не осуждала мой выбор.

– Ваше высочество, с вами хотят поговорить. Завтра, в храме. Я пошлю за вами, когда Они снизойдут в наш мир.

Сердце забилось чаще.

Боги, со мной хотели говорить боги!

Далеко не каждому человеку, даже королю, доводилось беседовать с ними напрямую, а тут я, паршивая овца.

– Вы поступили правильно, – чуть слышно добавила Дейра и покосилась на внимательно прислушивавшуюся к нашему разговору Алхену. – Я все улажу, объясню ее величеству, что у вас другая судьба.

Другая судьба...

За спиной словно выросли крылья.

Дождаться бы утра, узнать, чего от меня хотели!

Глава 5

Арлайн

– Наконец-то!

Дейра встретила меня у подножья лестницы с таким видом, будто я не примчалась сразу же, как получила записку. Учитывая, что храм Амандина и королевский дворец разделяла пара кварталов, я чисто физически не могла материализоваться тут через минуту.

– Я уже не знала, чем еще объяснить ваше опоздание. Нельзя заставлять их ждать!

Тугой узел из внутренностей затянулся до предела.

Я всю ночь проворочалась без сна и теперь наконец узнаю, что потребовалось от меня богам.

Остаток вчерашнего вечера превратился в сущий кошмар. После того, как я публично отказала Фарнафу, нарушила планы Верховного совета, только ленивый не бросил на меня косой взгляд. Какие танцы! Меня обходили стороной, словно прокаженную.

После отъезда сославшейся на головную боль сестры стало только хуже. Стервятники мигом слетелись к трону, принялись клевать.

Чего я только в свой адрес не услышала! До прямых оскорблений на правах родственницы опустилась только *те-тушка*, остальные держали себя в рамках, но четко дали понять: будь жив отец, я бы натужно улыбалась, танцуя в статусе невесты герцога Эсамада.

Стойко выдержала нападки членов Верховного совета. Просто стиснула зубы и молчала. Вряд ли Алхена пришла бы в восторг, если бы я высказала все, что думала. Но терпела я вовсе не из-за нежелания ранить чувства сестры – меня тревожило ее будущее. С этих чванливых аристократов стало бы низложить ее под предлогом слабого здоровья и возвести на трон того же Фарнафа. Он бы точно не возражал! Поэтому молчание и еще раз молчание. Никто ведь не мешал мне мысленно отрубить им всем головы?

Так что встреча с богами – долгожданная развязка. Вдруг они вздумали помочь мне? Или, наоборот, поставить перед фактом, что придется извиниться перед Фарнафом и умереть с ним в один день в окружении пятидесяти внуков.

– А кто там? – шепотом спросила я, покосившись на распахнутые настежь двери.

Темно, ничего не видно. И вновь пахнет благовоньями.

Дейра не ответила и, больно ухватив за руку, потащила внутрь.

– Заприте двери и никого не пускайте! – крикнула она служителям.

Те быстро выполнили приказ и удались.

Сглотнув, огляделась: тишина, темнота. Как в ловушке.

– Встаньте там!

Дейра указала на статую Амандина в конце нефа и поднялась на галерею.

Ну вот, совсем одна.

Напряжение мурашками пробежало по телу.

Медленно, через силу, я шаг за шагом приближалась к Богу. Колени чуть подрагивали, во рту пересохло.

Маленькая мушка посреди вековечной тьмы. Единственный источник света – канделябры по обеим сторонам статуи, да тускло мерцающие факелы на жреческой галерее.

Обернулась к дверям. Может, уйти? Если боги вдруг снизошли до человека, ждите беды! Только вот створки тяжелые, отворить их мне не под силу.

– Так это она?

Раздавшийся откуда-то сверху голос полнился скепсисом.

От неожиданности вздрогнула и едва не осела на пол.

Мне не хватало воздуха, сердце колотилось как бешенное.

Следует поклониться, упасть ниц или просто стоять и ждать? Я не знала. Меня никто не учил общению с богами. В итоге сдержанно поклонилась и замерла в ожидании.

– Она, – подтвердил второй небожитель. – Конечно, не слишком, но что есть!

Сжала кулаки и выдохнула через нос. Успокойся, Арлайн, они боги, имеют право. И все же тот, со стальными глазами, давший мне сомнительную характеристику, тоже не блистал

воспитанием. Пусть он кто-то важный, раз к нему прислушивается сам Амандин, но все равно хам.

«От хамки слышу! – ответили в моей голове. – Советую следить за мыслями, иначе одной Акмелур станет меньше».

Ого, как это?..

«Что?» – с легким раздражением прокомментировал все тот же голос.

«Так нечестно! – оправившись, запротестовала я. – Это моя голова, мои мысли!»

«Пока твоя», – туманно ответил собеседник и больше меня не донимал.

Провела ладонью по вспотевшему лбу.

И, как прикажете, мне контролировать мысли? С тем же успехом мог велеть не дышать.

Тут снова заговорил Амандин, и я забыла о непрошенном вторжении в голову.

– Совсем девочка! – сокрушенно вздохнул хозяин мира. – Стоит ли рисковать? Мне кажется, мы ошиблись.

– Все сразу? – насмешливо уточнил небесный хам. – Нет, это она, я десять раз проверил по Книге. Признаюсь, в первую встречу я был обескуражен не меньше тебя, а уж ты-то знаешь, меня сложно удивить.

– Это верно. – В голосе Амандина сквозила улыбка. – Ты известный циник!

– Я реалист. Вдобавок общаюсь с людьми больше вашего и давно избавился от иллюзий.

– Можно подумать, они у тебя были!

Явственно ощутила, как в храме ненадолго сгустилась тьма, даже свечи едва мерцали, готовые в любую минуту погаснуть.

– И все же ты точно все проверил? – вновь заговорил Амандин.

– Разве я когда-нибудь ошибался? – фыркнул собеседник. – В моем деле важны точность и беспристрастность. Это она, не сомневайся. Бойкая девица!

«Даже слишком», – специально для меня добавили в моей же собственной голове.

– Но ведь там нужна не бойкость, нам бы молодого человека...

– Лично я предпочел бы кого-то умнее и опытнее, нежели твои молодые люди. В них столько гонора!

– Вечно ты видишь во всех гонор!

– Я его не вижу, я его чувствую. И закроем тему: если ты забыл, нас внимательно слушают. Ну, что ты о ней думаешь?

Легкий ветерок коснулся моих волос, прошелся от макушки до кончиков пальцев.

Неприятное ощущение – ты как товар в лавке, который оценивают невидимые покупатели.

– Дитя: и внешне, и по сути. Но ты утверждаешь, она его ненавидит...

– Еще как! Неужели она тебе своей ненавистью все уши не прожужжала? Столько раз в храм бегала, смерти его про-

сила!

– Она выбрала не того бога, – усмехнулся Амандин.

– Делать мне больше нечего – чужие желания исполнять!

Согласен, толку от девчонки мало, но выбора нет.

– Но ведь она не сможет ничего ему противопоставить.

– Не я же сотворил предсказание! – огрызнулся неведомый некто, явно теряя терпение. – И не мне приснился тот сон. Все вопросы к твоей матери.

– И к твоей тоже.

– Они у нас разные.

– Я помню, просто Книга...

– Т-с-с-с! Ты не забыл о той, внизу? Потом обсудим. А в предсказании все сходится. Хочешь поговорить с человеческой?

С «человечкой»! Даже не «смертной» – бог специально выбрал унижительное, мерзкое слово. Меня аж передернуло от его пренебрежительного, высокомерного тона.

– Зачем? Поручаю ее твоим заботам. Только, прошу, будь с ней поласковее!

– Насколько ласковее?

Бог ненадолго задумался.

– Хм, может, ты и прав, сделать ей ребенка – неплохая идея.

– Очень плохая! – сильно рискуя, выпалила я.

Однако стальной хам, как я мысленно прозвала незнакомого бога, не рассердился, наоборот, рассмеялся.

– Да неужели? В вашем роду была парочка, они спасли страну от завоевателей, но как хочешь, сама, так сама. К тому же я благотворительностью не занимаюсь, мое ложе заслужить надо.

Не больно-то и хотелось!

Догадываюсь, другие на моем месте с готовностью предложили себя, но я отказала Фарнафу, откажу и богу.

«Ты начинаешь мне нравиться».

А вы мне нет!

Ответом стал очередной приступ смеха. Небожителя явно позабавила наша маленькая пикировка.

– Ну и характер! – Наверняка Амандин сокрушенно покачал головой. – Ты с ней осторожнее, не ломай девочку!

– Этой девочке следует поучиться хорошим манерам и не вступать в разговор старших.

Ох, сейчас меня убьют на месте, но молчать я не стану.

– Я не племенная кобыла, любая бы не смолчала.

– Можешь назвать себя племенной курицей – мне не принципиально.

А вот мне – очень.

Дурной характер дал о себе знать. Остановиться я никогда не умела.

– В таком случае вам пора отпустить эту курицу. Зубы проверили, пригодность для деторождения и неведомо какой миссии оценили – пошла вон. Разговаривают с людьми, а животных оправляют обратно в загон.

И я совершила, пожалуй, самый дерзкий поступок в жизни: повернулась спиной к статуе Амандина и направилась к выходу.

Печатала шаг и ждала, когда же меня накажут. В том, что накажут, не сомневалась, но не взяла бы обратно ни единого слова.

– Стой, где стоишь, тебя никто не отпускал! – пророкотал голос бога со стальными глазами.

– А меня никто и не приглашал! – огрызнулась в ответ.

Краем глаза заметила, как перепуганная Дейра спешила ко мне с галереи. Поздно, сейчас от меня останется мокрое место.

Стены храма содрогнулись от рыка:

– Прикуси язык! Ты бесправная смертная тварь, ты вольна только слушать и молчать!

Волна божественной ярости потушила свечи, дыбом подняла волосы на моем теле.

Страшно, но одновременно непонятно. Почему молчит Амандин, кто же тот со стальными глазами, которому он временно уступил главенство в своем храме?

– Если позволите, я помолчу снаружи, чтобы не смущать вас своим жалким присутствием и не оскорблять слух нелепыми мыслями.

Уф, сказала!

Но вот и все. Бедная сестренка, ей снова придется идти за гробом, но на моем месте не выдержал даже праведник.

Зажмурилась.

Вот сейчас...

Странно, я еще дышу, ничего не болит. А как же небесная кара?

– Ну, убедился, ей самое место в Добисе, – непривычно спокойно обратился к Амандину обладатель стальных глаз.

С облегчением выдохнула. Кто бы это ни был, он передумал меня убивать. Зато подоспевшая Дейра без лишних слов ухватила за меня за ухо. Ай, больно же!

– На колени! На колени и моли о прощении, иначе род Акмелуров лишится покровительства богов, – в ужасе поглядывая наверх, прошипела жрица.

Хватит, сама понимаю, что переборщила. Не надо так за ухо тянуть, оторвет же!

– Ну!

Оставив мое ухо в покое, Дейра притопнула ногой.

Потирая пострадавшую часть тела, прислушалась: тишина. Может, они ушли? Но прощения попросить действительно стоит.

Развернувшись лицом к статуе Амандина, опустилась на колени, застыла в молитвенной позе. Как назло, из головы вылетели все покаянные молитвы. Пришлось мысленно повторять скороговоркой: «Могущественные, вечные и мудрейшие, простите неразумную смертную! Я искренне раскаиваюсь в своем поступке».

Одна из дверных створок скрипнула, впустив в храм сол-

нечный луч.

Эм, это означает: прощена, можешь идти? Или нет тебе прощения, пошла вон?

Скрестившая руки на груди Дейра не желала ничего пояснить, напрасно я изводила ее вопросительными взглядами.

Ладно, земной поклон, и я пошла. Если пристукнет дверью... На месте богов я бы себя прихлопнула как муху, но они оказались менее кровожадны, позволили благополучно вернуться во дворец.

* * *

Вечером ко мне пожаловала Дейра, сообщила, что небесное благословление получено.

Еще бы понять, на что именно меня благословили.

– Большое одолжение с их стороны. Ваше поведение в храме недопустимо! – укоризненно цокнула языком жрица. – Они пришли в бешенство.

– Догадываюсь. Что я должна сделать, чтобы искупить вину? Сделать щедрое пожертвование храму?

Только вот денег у меня нет и не предвидится. Принцесса без гроша в кармане! Но ничего, заложу мамины драгоценности, книги – вопреки мнению учителей, я все же читала, только интересное, а не занудное.

– Меня саму это удивило, – Дейра опустилась в кресло и мельком глянула в окно, на гребень крыши храма, – но бо-

ги ничего не хотят. Они простили.

– Простили? Значит, я с чистой совестью могу и дальше ходить в храм?

– Безусловно.

Пожевав губы, Дейра тяжело вздохнула и отвела взгляд.

– Арлайн, я вижу, как беспокоится ваша сестра, и не могу не...

– Дейра, и ты туда же! – закатила глаза я. – Только не говори, что собираешься отчитать меня за вчерашний бал! Мне казалось, ты одобрила мое решение.

– И одобряю его теперь, просто разделяю мнение господина. Вы слишком молоды, неопытны и несдержанны.

– Не многовато ли «слишком»? – подняла брови я.

Дейра не ответила. Некоторое время она пристально разглядывала вытершиеся шелковые обои, а потом попросила запереть дверь на ключ:

– Я должна поведать вам нечто важное.

Заинтригованная, выполнила ее просьбу, на всякий случай даже ставни прикрыла и зажгла свечи.

– Боги хотят, чтобы вы вернули одну вещь. Ее украл Кентигерн.

– О, – усмехнулась я, – в этом он мастер!

– Это свиток, очень древний, полный опасных знаний. Прежде он хранился в храме, только я знала, где расположен тайник, но Кентигерн неведомым образом завладел им. С помощью этого свитка можно исказить реальность, пере-

путать прошлое с настоящим, наш мир – с другими мирами. Окажись он в нехороших руках – орды темных сил хлынут сюда из глубин того, о чем лучше не знать.

Покачала головой:

– Но если свиток у Кентигерна, то мы опоздали.

– Пока нет. В записях не хватает последней строчки, самой важной. Без нее это всего лишь текст на навеки утерянном языке.

– Тогда богам не о чем беспокоится, Кентигерн не сможет им воспользоваться. К тому же раз язык давно утерян, он и прочитывать его не сможет.

Дейра грустно улыбнулась:

– Вы недооцениваете его покровителей. Вместе с Шеломком вернулась из ссылки Марис³, а она куда изворотливее и умнее супруга. Марис не просто сеет зло, ей подвластны языки животных, шепот камней и бормотание душ. Нужно поспешить!

Пробившийся сквозь ставни луч солнца пылающей чертой протянулся между мной и Дейрой.

Сидела и никак не могла понять, что меня смущало. Вроде, вот оно, желанное покровительство богов, только...

– Почему они не уничтожат Кентигерна?

Это так просто, стоит только Амандину пожелать...

– Они не могут, – сокрушенно покачала головой жрица.

Не могут? Боги?

³ Марис – богиня обмана и оккультных наук, покровительница ведьм.

Сомнения отразились на моем лице.

Кентигерн – смертный. Он мог как угодно преуспеть в колдовстве, но оставался человеком.

– Нарушится шаткое равновесие, разразится война.

Дейра поднялась с кресла и распахнула ставни:

– Не могу обсуждать такое в темноте!

Задув свечи, терпеливо ждала, пока она заговорит снова.

– Видишь ли, если человек убивает человека – это ничего не значит. Обычные мелочные дела, месть за отца и брата. Но когда вмешиваются боги, это становится небесным делом. Братья и сестры в Верхнем мире примутся выяснять, почему вдруг кому-то из них потребовалось лично убить Кентигерна. Между богами и так нет согласия. Часть охотно примет сторону Марис, потребует расшифровки свитка. Начнется междоусобица, Лиэна, а то и соседние государства будут уничтожены.

Тряхнула головой.

– Все равно не понимаю! Положим, боги не ладят друг с другом, но причем тут Кентигерн?

– Дело в свитке, Арлайн, и только в нем. Считалось, что он давно утрачен. Господин... – Она чуть замешкалась, но все же продолжила: – Господин спрятал его в храме в тайне от других. Только избранные знают, что свиток не погиб во время Великой битвы. Нельзя привлекать к нему внимания, будьте осторожны! Для всех вы мстите за родных.

Кивнула.

Вот я и вляпалась в божественную шахматную партию.

– Наверное, мне не следовало вам говорить, – понизала голос Дейра, – но существует и другая причина. Господина просили о мести. Один...

Она шумно вздохнула, испуганно втянула голову в плечи.

– Кентигерн и Марис причинили зло не только вам, они посмели потревожить бога. И он хочет, чтобы, умирая, колдун знал, за что поплатился.

– И как же Кентигерн узнает? Бог сообщит ему в предсмертном видении?

С каждой минутой затеянная небожителями игра нравилась мне все меньше, но, с другой стороны, это реальный шанс отомстить. Что я могла без божественной помощи – сыпать проклятиями, дырявить набитый опилками манекен. Алхена ни за что бы меня не отпустила, а так ей придется смириться. Воля богов и всякое такое.

– Он поймет, – грустно улыбнулась жрица. – Моя бабушка была еще девочкой, только-только начинала служение богам, когда видела ее. Кровь за кровь. Марис души не чает в Кентигерне точно так же, как некогда Он любил свою дочь. Отомстите и будете вознаграждены.

Мысли путались. Свиток, дочь, боги, месть...

И все же я кое-что поняла, то, о чем умолчала Дейра, но что вытекало из ее слов.

– Кентигерн – сын Марис?

– Возможно, – уклончиво ответила жрица, но таинствен-

ная полуулыбка выдала ее.

– Но он не бог?

Я упрямая, не отстану, пока все не выясню!

– Нет. Дети рождаются не только в браке.

– Ясно.

Вот тебе и объяснение могущества Кентигерна, его непостижимых умений, вроде способностей перемещаться в пространстве. Ну и жажды заполучить корону – полубогу хотелось реальной власти, а не просто славы местного масштаба.

– Так вы согласны? – вернул меня к реальности голос Дейры.

– Да, но...

– Но? – нахмурилась жрица.

Ей явно не хотелось огорчить богов отказом.

– Мне нужно подтянуть свои боевые навыки и дожждаться совершеннолетия.

– О, об этом не беспокойтесь! – С ее губ сорвался вздох облегчения. – У вас будут достойные учителя, лучшие из тех, кого можно найти в Лиэрне. Полагаю, ее величество поймет и освободит вас от прочих занятий.

* * *

В очередной раз полетев на маты, мысленно распрощалась с позвоночником. Но он оказался крепким, выдержал, зато синяков на моем теле прибавилось. Опять придется прятать,

замазывать!

Первая же неделя интенсивных занятий по военной методике показала, что я легкая добыча для любого наемника. И не наемника тоже, потому как капитан меня жалел, не дрался в полную силу. Тут же все как в жизни: подсечки, удары со спины.

Сколько раз я побывала на полу, даже не припомню! Сколько локтей и коленей разбила! Из носа постоянно текла кровь, что уменьшало привлекательность как невесты, зато прибавляла стойкости как воину. Все равно Фарнаф больше в мою сторону не взглянет (хвала богам!), можно не заботиться о красоте. Но и уродиной становиться не собиралась, поэтому, стиснув зубы, училась, старалась. Послезавтра мой день рождения, я наконец-то стану взрослой и хочу надеть платье с открытыми плечами.

– М-да, выглядишь не очень!

Присвистнув, надо мной склонился неведомо откуда взявшийся Гордон.

Раз – и заносчивый угорец шмякнулся рядом. В следующий раз будет внимательнее, враг никогда не дремлет.

– Ух ты!

Гордон потер ушибленное плечо.

– Я думал, ты тут сопли на кулак наматываешь.

Перекатившись, показала ему тот самый кулак и поправила защищавшие запястья браслеты.

– Еще раз? – кивнула учителю, здоровяку под два метра

ростом.

– Полагаю, на сегодня хватит. Вы неплохо потрудились.

Он воткнул тренировочный меч в стойку. Мой валялся рядом – досадная промашка. Нельзя, ни при каких обстоятельствах нельзя выпускать оружие из рук!

Отряхнувшись от опилок, переплела косу и поднялась на ноги. Меня чуть пошатывало, тело болело, но в целом я была довольна. Если бы не последний поединок...

Это сладкое слово – победа! Я сумела подобрать ключик к своему наставнику. Сколько раз он повторял, что надо пользоваться своими преимуществами, а я не понимала, лезла напролом и ожидаемо проигрывала. Сегодня, наконец, поняла: надо брать ловкостью и разницей в росте. Силой я ничего не добьюсь, зато мне легче маневрировать, нанести быстрый удар снизу вверх. Жаль, без оружия я мгновенно превращалась в слабую женщину, поэтому-то ни в коем случае нельзя терять меч! Мне уже выковали свой собственный, подогнали по руке и по росту. Опробовала – идеально!

Алхена, конечно, демонстративно тяжело вздыхала, но лишь однажды заикнулась, что оружие не женское дело.

– А я не женщина, я недоразумение, – показала в ответ язык.

На том и порешили. Право, репутация моя давно растоптана, зато можно открыто скакать в мужском седле и вместе с Гордоном травить зайцев.

– Ты чего пришел-то? – вспомнила о товарище.

Кому по наследству переходят сундуки с золотом, ну а мне – друзья.

Первое время боялась, Шеттар-старший надавит на Гордона, тот примется за мной ухаживать, завлекать в брачные сети – звучали определенные звоночки. Одна фрейлина неосторожно обмолвилось, не Фарнафом единым, меня могут и на север просватать, недаром угорца не отозвали. Обошлось. Видимо, Гордон был таким же непутевым наследником, как и я. Только о себе думает, нет, чтобы о благе семьи!

– Предупредить, чтобы ты потом не закатила скандал.

– Та-ааак!

Скрестив руки на груди, вопросительно уставилась на Гордона. Ну, какую подянку мне еще приготовили?

– Меч убери.

– Он тупой, не поранишься.

– И все же лучше убери.

Ладно, убрала и готова слушать.

Оказалось, дело в моей поездке. Алхена категорически отказывалась отпускать меня одну. Она не верила в мои ратные успехи и приставила компаньонку в виде Гордона. Втайне сестра надеялась, что он вернет меня на путь истинный. Пустые мечты! Я вставала и засыпала с мыслью об убийстве Кентигерна, считала недели до отъезда.

Официально вскоре после дня рождения мы с сестрой отправимся в загородную охотничью резиденцию. Само собой, в окружении свиты, чин по чину. Там я вдруг вздумаю нане-

сти визит дальним родственникам. В отличие от Эсамадов, они оказались покладистыми, без лишних вопросов согласились создать видимость моего присутствия. Даже интересно, чем я, по их версии, заболела? Непременно жутко заразным, чтобы ко мне никого не допускали.

– То есть возражений не последует?

Гордон недоверчиво прищурился. А где же скандал?

– Нет. Вдвоем веселей. Вдобавок я сама хотела тебя об этом попросить.

– Ты? Которая все делает сама?

– Кое-чего я не умею. Например, читать следы зверей, разводить огонь, таскать тяжести.

– Понятно, – хмыкнул Гордон, – бесплатная рабочая сила, слуга и следопыт в одном лице.

– В Лиэне это называется другом. Но если ты против, если твой отец запрещает...

Напрасно я призналась, теперь он до конца поездки станет подкалывать!

– Мой отец лишь трижды за десять лет вспомнил о моем существовании, как-нибудь переживет еще пару месяцев, – задорно подмигнул Гордон и протянул руку. – Ну что, за братство «Смерть колдунам»?

– Смерть колдунам! – задорно повторила я и звонко хлопнула по его ладони.

Тогда, в Лиэрне, все казалось легко и просто, но трудности начались едва ли не с самого начала.

Глава 6

Арлайн

Чуть подрагивало пламя свечи.

Мужчина смотрел пристально, но без враждебности.

Какие же у него необычные глаза! Я даже толком не могла определить оттенок. Зелень, да, первая сочная зелень, взрывная, кричащая, пылающая, словно драгоценные камни. Не бывает у людей таких глаз!

Каштановые волосы незнакомца были зачесаны назад. Те, что покороче, мягкими завитками щекотали уши, в беспорядке спутались над высоким лбом.

Четко очерченные скулы. Мягкая линия рта. Квадратный подбородок. Низко посаженные брови. Кожа непривычного для наших мест золотистого оттенка. Да и вся его внешность... Определенно, передо мной не лиэнец. Вместе с тем незнакомец не походил на угорца, не говоря уже об обителях халифатов. Как-то раз, еще при жизни отца, нас посетило посольство одной из восточных стран. Кожа у них смуглая, бронзовая, брови черные-черные, как и глаза.

На вид я дала бы незнакомцу не больше двадцати пяти-двадцати семи, но каким-то особым чутьем понимала: он

гораздо старше.

На мужчине был расшитый непонятными узорами фиолетовый халат, наброшенный поверх рубашки. Пояс плотно затянут, однако все равно слишком вызывающе в присутствии принцессы. Создавалось впечатление, будто не он проник в мои сны, а я заявила к нему домой.

Стоп, с чего мне вдруг снятся мужчины? Этого я и вовсе никогда прежде не видела. Или герцогиня Эсамад подмешала мне в чай галлюциноген? Но тогда бы я грезила об ее отвергнутом сыне.

«Сон – это единственная возможность напрямую общаться с твоим сознанием».

По телу пробежались мурашки.

Бог, опять бог! Тот самый, которого я оскорбила. Но, самое гадкое, я до сих пор не поняла, кто он такой.

Лихорадочно перебирала в голове всех богов. Кто же из них? Кто-то очень древний, раз с ним советовался Амандин. Тот, которому поручили заботиться обо мне. Только мы вряд ли поладим.

«Зависит от тебя».

Стиснув зубы, шумно засопела.

От меня как раз уже ничего не зависело. Я могла облобызывать весь пол в храме Амандина, но все равно осталась бы в глазах навязанного покровителя никчемной вошью.

А вот и новая порция унижения:

«Между людьми и букашками много общего».

То есть я права, могу смело расслабиться и не следить за мыслями. Собственно, ничего нового. Каждый раз, когда я пыталась изображать правильную принцессу, выходило только хуже, не стоит и стараться.

Так, богов-мужчин не так уж много: Амандин, Вербис, Джарфан...

«Ладно, облегчу тебе задачу! Люди привыкли видеть меня иным, сообразным их чаяньям. Красавица должна быть белокурой и голубоглазой, а смерть – брюнеткой. Или брюнетом, как в моем случае».

Мужчина хрипло рассмеялся. Его тело подернуло легкой дымкой. Когда она рассеялась, передо мной стоял высокий худощавый брюнет с пронзительными карими, практически черными глазами, опиравшийся на увенчанный головой сварга⁴ посох. Именно таким обычно являлся людям Мериад, бог смерти и загробного мира.

Колени заходили ходуном. Отняв руки от груди, бухнулась... Собственно, а куда? Осторожно пошарила рукой вокруг себя – каменные плиты. Удивительно, я их не вижу, но они есть!

А вокруг по-прежнему темнота, самая густая, самая пугающая и бесконечная, какую я когда-либо видела.

По позвоночнику стекла капелька пота.

Вдруг я уже в Лене? «Сад мертвых» – поэтичное назва-

⁴ Сварги – встречающиеся только в Лиэне волки черной масти. Иначе их называют псами Мериада.

ние для загробного мира, только привлекательнее он от этого не становился.

– Пока нет.

Уши сварга с набалдашника трости уперлись в мой лоб, чиркнули по нему.

– Тебе повезло. Я даже устал считать, сколько раз. Не зря, ох, не зря Даур⁵ обратил на тебя мое внимание!

Внимание – на меня? А я полагала, будто Дейра... Ну, или та книга.

– Книга Виарматы, – любезно подсказал Мериад. Отныне он беседовал со мной, как положено, то есть губы шевелились и издавали звук. – Вряд ли ты о ней слышала, поэтому поясню. Из Хаоса вышли две сестры: Виармата и Ильгресса. Первая соткала миры, вторая их населила. Затем старшая сестра удалилась от дел. Устроившись вдали от всех, там, где ее никто не мог потревожить, она сновидела и записывала пророчества в особую книгу. Собственно, именно там я и прочитал о тебе, велел Дауру найти подходящую по приметам смертную.

Нахмурилась.

Я, конечно, понимаю, что мне поведали урезанную версию правды, умолчав про видения матери Амандина (интересно, кто он, не одна ли из сестер?), но как Мериад мог за-

⁵ Иначе: Провожатый теней, пес Мериада, его всевидящее око, следящий за людьми при жизни и определяющий, достойны ли они перерождения. Он же сопровождает души умерших к месту нового обитания.

глянуть в книгу, которую прятали неизвестно где? Или Виармата в итоге сменила гнев на милость и поделилась пророчествами с богами?

– Ни с кем она ничем не делилась. А почему именно я могу изредка листать эту книгу, тебя не касается.

По щелчку божественных пальцев из темноты сгустился костяной трон.

Гулко сглотнула, гипнотизируя взглядом пустые глазницы черепов. Так вот на что пошли тела грешников!

– Впечатляет? – довольно осклабился Мериад и занял место на страшном троне.

Палец с массивным перстнем поманил к себе.

Поднялась и на негнущихся ногах побрела к трону.

Холодно!

Ох, еще бы, на мне только ночная рубашка.

Поспешила скрестить руки на груди. С почтением подобная поза сочеталась слабо, зато относительные правила приличия соблюдены.

– Ты – и приличия?

Мериад скептически фыркнул и закинул ногу на ногу, будто расположился в любимом кресле перед камином. Плы халата разошлись, обнажив... Я глазам своим не поверила: он носил самые обычные домашние бесформенные брюки и тапочки с помпонами! Нет, вы представляете, смерть – и с помпонами!

– Согласись, это люди должны соответствовать моим ожи-

даниям, а не наоборот.

Бог небрежно положил трость на колени и, подперев голову ладонью, уставился на меня.

Приосанилась, пытаюсь исправить первое, а попутно второе и третье впечатление. Как-никак я героиня, избранница богов.

– Нелепо выглядишь, – Мериад словно ушат холодной воды вылил. – Не пытайся, орлицы не выйдет. Ну, – сменив позу, снисходительно предложил он, – показать тебе свиток, или предпочтешь мучиться? Я сегодня добрый, сделаю поблажку, а то ведь начнется: почему ты ей не помогаешь?

Прикрыла рот ладонью, чтобы не засмеяться. Мериад так забавно пародировал своих бессмертных собратьев!

– Да смейся на здоровье! – махнул он рукой. – Я тут полистал записи о тебе на досуге...

И порадовать мне его нечем. Знаем, проходили. Сначала мать, потом отец, сестра – все в один голос твердили: «Пропавшая!»

– Вот если бы носила на себе розовый торт и жеманничала, тогда была бы пропавшей, а так просто невоспитанная заготовка. Может, из тебя выйдет булатный клинок, а, может, ничего, отправишься в мусорную корзину. Свечу мне подай!

Пошарив глазами по сторонам, отыскала подсвечник и с благоговейным трепетом протянула богу. На краткий миг пальцы наши соприкоснулись. Сквозь ладонь словно молнию пропустили.

Он так близко!

Сквозь карюю радужку я вновь видела гипнотическую зелень глаз. Она затягивала в неведомые глубины, лишала разума.

– Маленькая лгунья, я все-таки тебе нравлюсь.

Мериад моргнул, разрушив чарующую магию.

Сделала пару глубоких вдохов, постепенно приходя в себя.

И вовсе он мне не нравится, он же бог! Да и чувство было совсем другое. Это как с водой или огнем – мощь стихии завораживает, не отпускает.

– Смерть в каком-то роде тоже стихия, и она тебя притягивает. Хороший знак! Думаешь, – Мериад выпрямился, – мне просто так поручили за тобой присматривать? Нет, только я могу понять, есть ли в тебе искра смерти. А теперь смотри!

Бог поднял подсвечник на уровень моего лица. Сначала я видела лишь чуть трепещущий язычок оранжевого пламени, но затем различила сквозь него изображение свитка. Я представляла сокровище Амандина совсем другим. Где золото и бриллианты, изысканный пергамент? Обыкновенный потертый коричневый тубус с выведенным тушью изображением змеи и солнца. Вдобавок маленький, тонкий, в такой разве только письмо можно уложить.

– Запомнила?

Кивнула. Змея и солнце. Найду!

– Вот еще что...

Свеча погасла. Теперь я слышала, но не видела Мериада, однако ощущала его присутствие каждым волоском на теле. Темнота – его стихия. В какой-то степени бог смерти и есть упорядоченная тьма.

– Измени маршрут. Кентигерн ждет вас, полагает, вы направитесь напрямиком на север, и заготовил ловушки. Обманите его, поезжайте на запад, кружным путем доберитесь до Добиса. Пусть Кентигерн гоняется за вашими фантомами. Неплохое выйдет развлечение!

Тихий смешок Мериада обжег мертвенным холодом.

– Жаль, не могу убить его!

Жалобно захрустели чужие кости, сминаемые божественными пальцами. Судя по звуку, часть трона превратилась в труху.

– Но ничего, ты станешь моей маленькой сладкой мстью за Рамину. Марис умоется кровавыми слезами.

В ужасе отпрянула от трона: голос бога сочился лютой ненавистью. Той, которая становится смыслом жизни, черной путевой нитью ведет через года.

Как же он любил ту женщину, Рамину! И до сих пор любит. Врут предания, никакая Элоиз⁶ не завладела его сердцем.

– Тебе интересно, кто такая Рамина?

Прикосновение ветерка к щеке подсказало, что Мериад

⁶ Элоиз – богиня ночи, звезд, луны и сновидений, одна из прекраснейших богинь.

поднялся с трона. В следующий миг его пальцы больно стиснули мой подбородок. Такие сильные, способные перемолоть камни.

– Людишки, вы даже не удосужились почтить ее смерть должным образом.

Толчок, и я полетела на пол, под ноги богу.

– Ты, лиэнская принцесса, впервые слышишь ее имя! – продолжал бушевать бог.

Ох, Дрегон, сейчас я получу на орехи!

Зажмурилась, ожидая мучительной боли или иного наказания за невежество, но услышала лишь полный прежней глухой ненависти голос:

– Замани Кентигерна в сладкую ловушку и убей. Пусть последним, что он увидит перед смертью, станет твое лицо. Той, которая так похожа на мою дочь.

Меня словно ударили мешком по голове.

Мир перевернулся с ног на голову. Голова пульсировала, разрываема одной единственной мыслью: «Дочь, у Мериада была дочь!» Нет, я признавала, у каждого бога полно бабстардов. Смертные женщины скрашивают им досуг, а дети – так, побочный эффект. Но вряд ли Мериад стал бы так тревожиться, скажем, за моего ребенка, если бы, как грозился, благодетельствовал во имя процветания страны.

– А ты не дура! – Едва ли не первый комплимент из его уст. – Хотя в отношении своего ребенка неправа – в некоторых случаях мне не чужда ответственность. Но к Рамине

он не приблизился, это факт. А теперь, раз в твоей головке наконец начало проясняться, представь, что вдобавок к отцу и брату убили твою сестру. Запомни свои эмоции, уничижь Кентигерна и получи заслуженную награду. Какую, выберешь сама.

Темнота перед глазами подернулась рябью. Бог покинул мой сон.

* * *

Я ничего не рассказала о видении Гордону, соврала, будто перехватили шпионов Кентигерна, поэтому нам нужно сменить маршрут. Приятель, разумеется, не обрадовался. Еще бы, нам предстояло объехать всю страну! Страшно представить, сколько времени это займет. В итоге пришлось чуточку раскрыть карты и намекнуть: так угодно небожителями. С ними Гордон спорить не стал, смирился с неизбежным.

Путешествие оказалось несколько тяжелее, нежели я себе представляла, поэтому появления Чериндеша на горизонте я ждала с большим нетерпением, чем дня рождения. Наконец-то отдохну с комфортом! Меня уже тошнило от сомнительной еды в тавернах, матрасов, на которые страшно прилечь. Тело чесалось от укусов насекомых, а пятая точка превратилась в одну большую мозоль. А тут – чистая постель, вкусная еда, возможность помыться.

Я отмокала в ванной целую вечность. Наслаждалась запахом мыла, а не пота. Отдала вещи в стирку. А еще избавилась от Гордона. Он отличный парень, балагур и всякое такое, но мужчина. Как-то не учла я этого, опрометчиво согласившись на поездку в его компании.

Но там, где минусы, есть и плюсы. За пределами дворца я в силу пола утратила всякий вес. Убедилась в этом в первой же таверне, где меня намеренно игнорировали. Зато к Гордону обращались с почтением. Так что он превратился в оберег от сомнительных предложений, на могучем угорском популярно объяснял, куда и кому идти. Надо перенять у него парочку выражений, пригодятся. Главное, во дворце потом не сболтнуть, а то Алхена грохнетя в обморок.

Приведя себя в порядок, решила осмотреть город. Одна – пока я наводила красоту, Гордон куда-то ушел. Ничего страшного, наоборот, даже лучше, смогу прогуляться по лавкам, спокойно загляну в храм. А то знаю я мужчин, началось бы бесконечное нытье. Алистер терпеть не мог «тряпки» и «всякую культуру», Гордон наверняка такой же. Да и что ему наши боги, у него свои есть.

До храма добралась поздно, перед самым закатом. Только собралась развернуться – завтра зайду, все равно мы задержимся в Чериндеше на пару дней, как меня заметила жрица, приветливо помахала рукой. Слово за слово, и я оказалась в ее домике, с чашкой чая в руках.

Жрица живо интересовалась жизнью в Лиэрне – я пред-

ставилась столичной жительницей. Собственно, то же было написано в выправленных специально для поездки документах. По ним мы с Гордоном – брат и сестра, якобы едем повидать больную тетюшку в Деринге. Почему не похожи? Так отцы разные.

– Ох, – спохватилась жрица, мельком бросив взгляд в окно, – совсем я вас заболтала! Вы ведь в храм хотели попасть?

– Хотела, но поздно уже: солнце село.

– Ничего не поздно! – Жрица решительно поднялась на ноги и потянула меня за собой. – У вас впереди долгий опасный путь, не отказывайтесь, увезите с собой благословение Госпожи.

Да, удача нам, определенно, не помешала бы.

– Вот ведь шалопаи, – сокрушенно всплеснула руками жрица, когда мы поднялись по тонувшим в сумерках ступеньках храма, – опять забыли запереть двери! Ох, и получат же они от меня завтра!

Пожалела несчастных помощников. Может, жрица и женщина миниатюрная, зато темпераментная, такая может и палкой отходить.

– А, может, это не они виноваты, а богиня? Не удивлюсь, если сама Госпожа привела нас сюда и отперла двери. Помощники у меня старательные, вряд ли так опростоволосились.

Благоговейно ступила под своды храма Рагны. В таких местах даже дышишь иначе.

На ночь помощники погасили большую часть светильников, оставили только те, что освещали статую богини. Она словно парила в воздухе.

– Сейчас, подождите!

Оставив меня посреди центрального нефа, жрица погрузилась в короткий транс подле статуи богини. Затем взволнованно сообщила:

– Мне было видение! Госпожа хочет, чтобы вы поднялись в жреческую. Она желает переговорить с вами – неслыханная честь! В последний раз такое случилось... Да никогда на моей памяти.

Поднимаясь по узенькой лестнице позади статуи, ощущала себя преступницей.

Ладони вспотели: все же я в святая святых.

– Сюда!

Вместо того, чтобы оставить меня на галерее, полной разнообразных подношений храму, жрица увела меня направо. Пробовала протестовать: туда непосвященным точно нельзя, там жертвенник, но провожатая ничего не желала слушать. Госпожа велела, и точка. Однако Рагна не спешила спуститься в мир смертных. Чтобы скоротать вынужденное ожидание, жрица развлекала меня историями людей, приходивших в храм. Ее голос усыплял. Веки мои тяжелели, голова клонилась набок. «Нельзя спать, нельзя спать!» – словно молитву, повторяла я, борясь с дремотой.

А еще нужно предупредить Гордона. Он наверняка вер-

нулся в гостиницу, волнуется.

– Не беспокойтесь, – успокоила меня жрица, когда я поделилась с ней своими опасениями, – я пошлю записку с прихватником. Где вы остановились?

Продиктовала адрес.

Жрица кивнула и ненадолго скрылась из виду.

Разбросанные по полу пушистые звериные шкуры манили прилечь, совершить святотатство. Мало того, что я сижу в жреческой, так еще и спать здесь собралась! Но усталость взяла свое. Напрасно взывала к собственной совести, пробовала читать иероглифы на стенах, глаза все-таки закрылись, и я свернулась калачиком на одной из шкур.

* * *

Между тем...

Словно тень, из-за ширмы выскользнула жрица. Довольно улыбнувшись, она спустилась вниз, в основной зал храма, чтобы погасить светильники у статуи богини. После, вернувшись в жреческую, достала из тайника в стене прямоугольный черный ящичек. Внутри оказался жезл с головой совы.

– Что ж, пора начинать!

Жрица разделась донага и, взмахнув жезлом, начертила в воздухе несколько линий.

Огонь в жертвеннике задрожал, поднялся до самого потолка, выхватив из темноты кончики женских сандалий. Неизвестную завернули в ковер, спрятали в нише за сундуком.

– Ты мне не помешаешь, даже не надейся!

Жрица покосилась на статуэтку богини рядом с жертвенником и, рассмеявшись, набросила на нее покрывало.

– Черная ночь, тьма, расстилающаяся над миром, разомкнись! Вечно неспящий страж, подними свое ухо, услышь меня! Неутомимый охотник, поднимись сюда, одним прыжком преодолей расстояние длиною в жизнь. Пусть боятся, пусть слышат твоё дыхание, ибо час настал.

Раскачиваясь в гипнотическом экстазе, жрица простерла над жертвенником руку и полоснула по ней кинжалом. Упав на камни, кровь зашипела, превратилась в черную струйку дыма.

– Неутомимый зоркий охотник, я взываю к тебе! Расскажи господину, что его обманули. Арлайн Акмелур мертва, а её место заняла ведьма, одна из Верховниц круга Марис. Та самая, которая некогда приготовила для Раминь дурманное зелье, а потом укрылась в далеких странах. Они с госпожой замышляют новое зло – открыть то, что нельзя открывать. Пусть покарает её недремлющее око твоего господина!

Заготовленный загодя, усыпленный так же, как Арлайн, ягненок сгинул в пламени жертвенника.

Мнимая жрица довольно улыбнулась и, обернувшись на носочках против часовой стрелки, превратилась в Элоиз. Теперь оставалось только ждать.

* * *

Гордон

Вот ведь гулена!

Сокрушенно покачав головой, для порядка спросил покачивавшегося прохожего, не видел ли он импозантную блондинку. Разумеется, не видел, только дно в очередной пивной кружке.

Хоть бы записку оставила! Может, ее уже убили, или того хуже, изнасиловали.

Битый час я шатался по городу и не мог ее найти. Лавки закрыты, не в таверну же она за янтарным элем подалась!

Тревога пружиной сжималась в горле, не отпускала.

Арли, Арли, что с тобой? Положим, ты и прежде сбегала, но всегда возвращалась к ужину. А тут солнце село, ночь, незнакомый город. Опять же собаки бродят...

Стоп!

Резко затормозив, во все глаза уставился на преградившего мне дорогу пса. Слишком уж он большой, похож на свар-

га. Только откуда в Чериндеше взяться сваргам?

Медленно, стараясь не делать резких движений, потянулся к мечу.

Главное – не смотреть зверю в глаза, для него это сигнал к атаке.

И тут все внутри меня оборвалось. Пальцы задрожали, чудом не выронив оружие. Там, впереди внезапно возник человек верхом на существе, представлявшем нечто среднее между лошадью и драконом.

Быстро оглянулся. Видел ли давешний пьянчушка то же, что и я? Не похоже. Как шатаюсь, брел по улице, так и шел. Выходит, смерть пришла за мной...

– Как я и думал, это шутки Марис. Элоиз тут нет и никогда не было.

От голоса всадника по спине скатилась ледяная капелька пота. А ведь я не из трусливых, в одиночку на кабана ходил, только вот одно дело – кабан, другое – владыка мертвых.

Даур, которого я ошибочно принял за сварга, пристыженно поджал хвост. Досталось и мне. Короткий взгляд Мериада окатил волной парализующего замогильного холода. Я даже моргнуть по собственной воле не мог, в ватном теле едва билось сердце. Захочет бог, оно остановится.

Мериад отвернулся.

Припав на одно колено, я жадно глотал ртом воздух.

Смерть, передо мной сама смерть!

– Твоя подруга в опасности, – торопливо заговорил чет-

вероногий спутник теней. – Беги в храм, спасай ее!

А как же.

Взгляд метнулся к Мериаду, но тот пропал, оставив после себя снежную поземку. Иней укрыл мостовую там, где стоял его конь.

– Скорей же! – потапливал Даур.

Сейчас, я сейчас, только кишки ремнем затяну. Никогда так страшно не было, чудом не обделался.

Кое-как поднявшись на ноги, попятился, потом побежал.

За спиной – я чувствовал! – натянулась ниточка жизни. Моей жизни.

Страх отпустил только возле храмовой ограды. Только там отважился оглянуться, перевести дух.

Толкнул ворота – не поддались.

– Арли, ты там? – силясь различить что-то сквозь густую зелень, выкрикнул в темноту. – Отзовись, Арли, они хотят тебя убить!

Бесполезно, даже привратник не вышел на шум. Может, он уже мертв? Вот и свеча в будке не горит.... Но убить Арли я не позволю. Ограда не такая высокая, а каждый угорец с детства привык лазить по кручам. Раз – и я приземлился по ту сторону. Снова прислушался, позвал Арли и побежал по дорожке к храму.

Нечего и думать ломиться в двери. Они тяжелые, из мореного дуба, легче лоб расшибить и ногти на руках вырвать, чем открыть такие без ключа. Но на то я и мальчишка, что

умею ходить и выходить через окна. Одно как раз приоткрыто.

Подтянувшись, взобрался на широкий подоконник, толкнул раму и оказался в душном, пропахшем благовоньями боковом пределе храма.

Я обошел каждый уголок, но Арлайн не нашел. Выходит, она там, в запретном мире наверху.

«Не бойся, входи, я разрешаю, – раздался в голове незнакомый ласковый женский голос. – Опали самозванке волосы священным огнем, и колдовство спадет».

Богиня...

Колени вновь задрожали, но я быстро подавил приступ паники. Рагна не Мериад, поймет. У меня там подругу убивают, не до поклонов.

Взбежав на галерею, задумался: направо или налево?

Сколько же здесь рухляди! Мы приносили в жертву животных, а лиэнцы тащили ковры, золотые слитки, кувшины. Если все это продать, можно безбедно прожить до старости.

Моих сапог коснулась чья-то тень.

Обернувшись, увидел мелькнувшую в арочном проеме женщину. Сердце подсказало: туда!

В три прыжка, будто горный козел, я преодолел разделявшее нас расстояние.

Из горла вырвался рык: неизвестная склонилась над Арлайн с ножом в руке. Услышав меня, она замерла, обернулась.

Какие безумные глаза! Они не вязались с прекрасным лицом, достойным богини. Хотя она ведь и притворялась богиней, Элоиз, но, как бы ни старалась, не могла спрятать свою истинную суть.

Я не колебался ни мгновения. Меч не задержался в ножах. Плевать, что на территорию храма запрещено проносить оружие, я убью гадину!

– Безмозглый человечешка, неужели ты думаешь, будто навредишь мне этим?

Расхохотавшись, женщина в приступе безумия закружилась по жреческой.

Невесть откуда поднялся сильный ветер. Пришлось вцепиться в облицовку входной арки, чтобы устоять на ногах. Пальцы болели от напряжения. Какой там меч, я шага сделать не мог!

Ветер поднял золу из жертвенника, метнул мне в лицо. Крепко зажмурился, а когда открыл глаза, увидел Марис в ее истинном облики. Вот кого бы я ни с кем не перепутал! Смуглая кожа с татуировкой змеи, бело-сиреневые волосы, яркое платье цвета пожара, босые ноги – она разительно отличалась от всех прочих богинь.

Одно хорошо, ветер стих, только вряд ли мне это поможет. Марис права, мечом ее не остановишь.

– Беспокоишься о ней? Переживаешь? – Она указала на мирно спавшую Арлайн. – Ничего, скоро вам обоим будет хорошо. Скоро здесь появится Мериад...

– Он уже здесь.

Саму не верилось – я перебил богиню! Но незримая поддержка Рагны окрыляла. Я верил, она не допустит беды.

– Что ж, прекрасно! Начинай молиться о спасение своей души. Вдруг повезет, Мериад не уничтожит ее.

– Он не придет, он знает, кто вы.

Лицо Марис исказила гримаса досады, которая быстро сменилась злой усмешкой.

– Ты все равно ее не спасешь!

Марис провела пальцем по острому лезвию.

– Прощай, любимица смерти!

Мой меч валялся в другом конце жреческой. Ничего себе его занесло! Достать не успею: Марис уже занесла руку над Арли. И я ухватил первое, что попало под руку – тлеющую головню из жертвенника, в приступе отчаянной храбрости ударил ей по руке богини. Скорее от неожиданности, нежели от боли Марис отшатнулась, выронила нож.

– Смертный гаденыш, ты испортил мне кожу!

Отбросив нож подальше, склонился над Арли, затряс ее за плечи:

– Ну же, просыпайся!

Давай же, давай, иначе нас обоих тут похоронят! Марис рядом, плетет свое черное колдовство. Оно тянет ко мне ядовитые побеги, оплетает ноги, ползет к груди...

Как же тяжело дышать!

Но, преодолевая боль, я продолжал трясти Арли. Марис

напрасно надеется, я ее не брошу. Умру вместе с ней, но не брошу.

– Сегодня никто не умрет.

Рагна соткалась посреди жреческой в ореоле солнечного света.

Стянувшие меня путы опали, горсткой пепла осыпались на пол.

Напуганная Марис отступила в привычный полумрак.

Рагна коснулась подушечками пальцев век Арли. Она вздрогнула, пару раз, словно задыхаясь, жадно глотнула воздух и открыла глаза. Открыла и сразу закрыла, испугавшись лучезарного божественного соседства. Богиня ласково провела рукой по ее волосам и обернулась к Марис.

– Отныне я беру этих двоих под свою защиту. Тебе же не избежать наказания за осквернение моего храма. А теперь исчезни!

От грозного голоса Рагны задрожали стены.

Контуры Марис задрожали, и она лопнула, словно мыльный пузырь. Жаль, всего лишь перенеслась в небесные чертоги.

Следом, столь же эффектно, как и появилась, мир смертных покинула Рагна.

– Давай-ка ко мне!

Подхватил обмякшую Арли на руки.

Нужно выбираться отсюда. И из города желательно. Боги мстительны, Марис не остановится, пока не отправит нас

к Мериаду. Хорошо бы и вовсе вернуться в Лиэрну, но Арлайн упрямая! Однако я попробую. Одно дело – колдун, а тут – боги.

Увы, надежда на торжество здравого смысла разбилась о характер Арли, порадовать Алхену было нечем. Ладно, поработаю и дальше телохранителем непутевой подружки.

Глава 7

Арлайн

Дорога бежала по неровной, холмистой возвышенности. Изредка попадались деревушки, населенные лениво жующими жвачку козами. В такие раз в год заезжают только сборщики налогов. С кого они собирали подати – загадка. Людей не наблюдалось, не с животных же!

Я откровенно скучала. Порадовалась бы даже встречному патрулю – все какая-то деятельность. Достать документы, показать, в сотый раз объяснить, почему мы с Гордоном не похожи или почему мне дома не сидится.

Представляю, какой переполох бы поднялся, назовись я настоящим именем! Хотя, полагаю, в реальности все закончилось печально: как подозрительную личность меня посадили бы под замок. Провинция успешно понизила мою самооценку, избавила от непомерного самомнения. Это не Лиэрна, здесь портрет правящего монарха на стенке каждого дома не висит. Как выглядит наследная принцесса, и вовсе никто не слыхивал. Может, в народном представлении я и вовсе кривая-косая, в бородавках.

Эх, жаль, Ифигения меня сейчас не видит! Порадова-

лась бы, что счастье в моем лице обошло ее сыночка.

Хихикнула, представив реакцию Фарнафа на женщину без обязательного моря юбок, в штанах и рубашке на выпуск. Мужской, без бантиков и рюшей. Да-да, я низко пала и вообще жутко развратная особа, раз специально для путешествия заказала облегающие брюки наподобие тех, что носили гвардейцы. Срам тактично прикрыла пристяжной юбкой, а то бы точно оказалась в кутузке – путешествие обогатило меня новыми словами. Простые люди общались совсем не так, как придворные. Сначала было дико, а потом, ничего, привыкла, набралась плохого. Гордон шутил, что только оно ко мне и липнет.

Вместо идеально взбитых кудрей – коса. Я заплетала ее второпях каждое утро, мало заботясь о красоте. Да и какая красота, если вместо полноценного мытья простое обтирание! Гордон все ждал, что я сдамся, но фигушки! Ради смерти Кентигерна можно и с грязной головой походить, и жесткую курицу поесть, и на жестком матрасе поспать.

Не стану врать, будто я не жаловалась. Жаловалась, еще как! И сломалась бы, если бы не подначки Гордона. Всякий раз, когда он, подняв брови, ехидно интересовался: «Ну как, домой?», во мне просыпалось упрямство отца. В итоге грязь перестала казаться такой уж грязной, а ванна каждый вечер – такой обязательной.

Смешно, но обнищание двора тоже сыграло мне на руку. Меня не растили изнеженной принцессой, не кормили

деликатесами, не баловали десятком новых платьев каждый день. Когда на тебе штопанные чулки, лишения переносятся несколько легче.

Да где же эта деревенька?

Мы загодя решали, где сделаем привал, а где заночуем. По понятным причинам, дворянских имений приходилось избегать: официально лиэнская принцесса болеет, зато все остальное к нашим услугам. Разве только у кого-то обостренное чувство прекрасного, не позволяющее пустить на порог девицу без юбки в пол. Приходилось иногда сталкиваться, однажды даже плюнули вслед. Ну да, я ж воплощение зла на земле, как переоденусь, оно сразу исчезнет. Но обычно за деньги хозяева закрывали глаза на чужие чудачества. Не жениться же им на мне! По легенде, я и вовсе с придурию, не в себе после смерти младшего брата. Ношу его одежду, езжу на его лошади. Когда в первый раз услышала это от Гордона, хотела поколотить, но потом раздумала – так действительно спокойнее, меньше вопросов.

Во время прошлого постоя нам посоветовали один постоялый двор – чистый, с приемлемой платой и сытной едой. Я планировала задержаться там до утра: и сама отдохну, разомну ноги, и лошади тоже. Постоялый двор не посреди чистого поля, вроде, там богатая деревня с мельницей. Раньше я о таких вещах даже не задумывалась. Ну мельница и мельница, что такого? Оказалось, по их количеству судят о достатке жителей той или иной местности.

Неужели мы не туда свернули на прошлой развилке? Давно должна была показаться.

– Арли! – тихо позвал Гордон.

И голос у него был такой... Словом, не суливший ничего хорошего.

Нервно положила руку на шнурок с ножом. Вот не надо было слушать Гордона! Прицепила бы ножны с мечом и не чувствовала бы себя беззащитной! Но он настоял: оружие нужно спрятать, если не хочу, чтобы меня сожгли в первой же деревне. В итоге нож повесила на шею, под рубашку, а меч, обернутый в холстину, до поры путешествовал в седельной сумке.

Только вот даже я обвесилась оружием с ног до головы, это вряд ли помогло.

Гордон рассказал мне о случае в храме, неужели Мериад раздумал и решил-таки проверить меня на вшивость? Иной причины посылать за мной Даура не видела.

Провожатый теней замер облюбовав небольшой пригорок возле дороги. Длинная шерсть лоснилась на солнце. Желто-зеленые глаза пристально наблюдали за мной. Какой же он большой! Утверждали, будто Даур похож на сварга, по мне, сходство относительное. Это как сравнить... Ну не знаю... Юбки герцогини Эсамад и юбку какой-нибудь горничной. Вроде, одно и то же, а перепутать невозможно.

В пасти Даура блестел большой кабашон на цепочке.

Нервно хихикнула. Он мне предложение делать собрался?

Хороший подарок, дорогой, Фарнафу не по карману.

Ну и ну, какая чушь в голову лезет! А все из-за пробелов в образовании. Зачем мне древние языки, если элементарного не объяснили: как вести себя перед лицом смерти?

– Когда придет твой черед, расскажу, – насмешливо пообещал невидимый Мериад.

Он рядом, позади нас. Оборачиваться не хотелось. Ни капельки! Но надо. Заодно спешиться, упасть на колени и попросить отсрочить лекцию о смертельном этикете.

– Арли, – чуть слышно спросил Гордон; лицом он сравнялся с Алхеной, – ты тоже это слышишь?

Медленно кивнула головой:

– Угу.

И, помедлив, добавила:

– Не называй его «это», жутко жить хочется!

Ладно, Арли, сползай с седла, хоть раз сделай что-то по правилам.

Дрегон, ну почему именно сейчас ноги путаются в стременах?!

– Не советую слишком часто поминать Дрегона всуе, а то он придет за тобой.

Я плюхнулась на землю как мешок с мукой, чудом не заработав в довесок удар копытом от перепуганной лошади. Закусив удила, предательница унеслась прочь. Как ее потом искать?..

Не о том, не о том думаю!

Почтение и смирение, почтение и смирение.

На колени опустилась, как надеялась, грациозно. Пропавшая я там принцесса или нет, но манерам обучена. Поклон тоже отвесила низкий, практически распласталась на земле. Краем глаза видела, Гордон поступил так же.

Вот ведь, а его лошадь не убежала! Только мне бракованную подобрали.

Бог рассмеялся: прочитал мои сомнительные мысли.

Так, сделай серьезное лицо, Арли! Попытайся умножить сто двадцать на триста восемь. Я частенько прибегала к подобному нехитрому трюку: складывала и делила большие числа во время скучных приемов и церемоний. Что поделать, с арифметикой я не дружила.

– Тридцать шесть тысяч девятьсот шестьдесят.

А вот у Мериада с арифметикой все в порядке, на то он и бог.

Интересно, можно уже выпрямиться? Сколько положено лежать в пыли? В прямом смысле этого слова, между прочим.

Осторожно приподняла голову и захлебнулась воздухом.

Мериад стоял прямо передо мной, его контуры чуть подрагивали, искажались от ветерка. Но напугало меня не это – взгляд. Знаменитый взгляд Смерти. Тьма струилась из его глаз, заставляя каждый волосок на теле трепетать от страха. Липкие щупальца мертвенного холода тянулись к сердцу, проникали в мозг, петлей стягивали горло, затягивали

в необъятное море кошмаров.

Беззвучный крик вырвался из моей груди. Из последних сил вцепившись скрючившимися пальцами в землю, пыталась противостоять первобытной силе.

Бившаяся в конвульсиях душа болталась на тонкой ниточке. Сейчас ее засосет в бездну расширившихся до предела зрачков Мериада...

Резкий толчок в грудь, и я повалилась на бок, судорожно глотая воздух как рыба.

В следующий миг все вокруг потемнело. Солнечный свет поблек. Куда-то пропала дорога, горизонт, Гордон и его лошадь.

– Добро пожаловать! – саркастично улыбнулся Мериад. – Ты в моем царстве.

Где? За что, я ведь согласилась!

– Согласилась? – Брови Мериада поползли вверх. – Я такого не помню.

Чуть прищурившись, он оглядел жалкую меня.

– Ну, долго собралась валяться? Испытание ты прошла. Сердце обычного человека остановилась бы, твое же еще бьется. Невероятно!

Качая головой, Мериад отвернулся.

Я же постепенно осмысливала услышанное. Он... Он нормальный? А если бы сердце действительно остановилось, или Мериаду все равно? Разумеется, все равно, я ведь червяк, смертная, пигалица – как там он меня еще называл?

– Пигалицы точно не было. Вставай! Ты вполне жива и умирать не собираешься.

С опаской поднялась на ноги. Ладно, поверим богу на слово.

Ну, какой он, загробный мир?

Меня постигло легкое разочарование. Ни полных кипящей лавы рек, ни полчищ чудовищ, ни стен огня – унылая серая долина, глазу зацепиться не за что. Справа – холмы, слева, вроде, река. Впереди что-то неясно темнеет.

Интересно, надолго я тут и, главное, зачем. Не успела открыть рот, чтобы вежливо спросить, как из-за ближайшего холма показалось чудовище, длинное и тонкое, как змея, с крыльями летучей мыши. Чешуя его напоминала броню. Накаркала! Скучно ей было, сейчас станет весело!

Со страху я даже утратила способность думать, просто сидела и смотрела внутрь развезшейся пасти. Меня сейчас поглотит Плорициндомарт! А если побрезгует, то нацепит на коготь и отнесет к Дрегону. Прав Мериад, не стоило поминать жителей загробного мира всуе.

– Пошел вон!

Мериад замахнулся на Плорициндомарта, будто на бродячего пса. Тот взвизгнул и, виляя хвостом уполз обратно.

Невероятно! Он же... Он же раз в десять больше!

Постучала себя пальцем по голове.

Арли, ты совсем отупела? Мериад – бог, естественно, его все боятся.

С облегчением перевела дух. По крайней мере, меня привели сюда не для того, чтобы подать на обед дракону.

– Он питается душами, а не живыми людьми, и только теми, на которых укажу я. Следуй за Дауром, он приведет тебя к пещере.

К пещере? Какой пещере? Зачем мне туда? А обратно никак нельзя?

Рой вопросов, и ни одного ответа.

– Перестань трястись, я не кровожаден.

Если это шутка, то она удалась.

– Хорошо, – с легким раздражением поправился Мериад, – я терпим к тебе лично. Так устраивает?

Кивнула.

– Прекрасно! Тогда вперед, за подарками. Я сегодня не только терпеливый, но и щедрый.

Окончательно перестав что-либо понимать, невежливо пялилась на бога.

Какие такие подарки бывают у смерти? Жизнь, что ли?

– И это тоже, но я имел в виду кое-что материальное. Например, это.

Мериад посвистал Даура и забрал у него цепочку с кабшоном из зеленой яшмы.

– Не под цвет глаз, зато защитит от злых сил.

Дрожа от волнения, робко протянула руку, но бог не спешил отдавать амулет.

– Для начала ему нужно вернуть былую силу. Дрегон опа-

лит камень своим дыханием, очистит от скверны, которая успела пристать к нему за столетия. Ну, вперед! Докажи, что ты имеешь право увидеть еще кое-что.

Ясно: очередное испытание. Сначала взгляд Смерти, теперь добровольно отправится в пещеру к Дрегону – определенно, Мериад мечтал избавиться от навязанной ему подопечной. Но выбора у смертных нет, придется идти.

Даур направился к холму, за которым недавно скрылся Плорициндомарт. Он оказался первым среди десятка таких же, безжизненных, поросших высокой сухой травой. Провожатый теней без усилий взбирался на вершины, а мне приходилось попотеть, чтобы не отстать. Спускаться с последнего холма и вовсе не хотелось: впереди зловеще темнел вход в пещеру Дрегона. До нее еще далеко, требовалось пересечь каменистую долину, но волны ужаса, исходившие из нее, языками пламени облизывали ноги, учащали и замедляли ритм моего сердца.

Душераздирающий стон пронзил полумрак.

Там... Замотала головой и остановилась. Нет, баста, дальше не пойду! Не желаю оказаться на месте того, кого сейчас стерли с лица мироздания.

Даур укоризненно посмотрел на меня и смилостивился: – Полагаю, господин не рассердится, если я схожу один.

Даже если рассердится, вряд ли убьет болезненнее, чем Дрегон.

Провожатый теней смазанной тенью мелькнул внизу

и быстро скрылся из виду.

Стало холодно, а еще безумно одиноко.

Воздух сгустился, вязкой дымкой заполнял легкие, напоминая: живым не место среди мертвых.

В нетерпении мерила шагами площадку между гигантскими валунами, то и дело с надеждой обращала взгляд на пещеру Дрегона. Где же Даур? Скорей бы он вернулся!

Из пещеры до меня донесся еще один преисполненный боли крик.

Зажала уши ладонями, но в голове еще долго замирало эхо чужой агонии.

И снова тишина, мертвая тишина, натянувшая нервы до предела. Немудрено, что, заслышав шумное дыхание за спиной, я едва не распрощалась с жизнью.

Сердце гулко билось в груди. Ту-тук-тук.

Кто там, Плорициндомарт? Решил-таки полакомиться мной, несмотря на запрет господина.

В подтверждении догадки высокую траву сбил свистящий удар хвоста.

Нет, не могу! Я не книжная героиня без страха и упрека!

Нервы сдали, и, не разбирая дороги, понеслась куда глаза глядят. Мерещилось, будто шумное дыхание приближается, настигает меня. Сейчас Плорициндомарт ударит когтистым крылом...

– Далеко собралась?

Натолкнувшись на невидимую стену, чудом кубарем

не покатила по склону.

– Ты боишься собственной тени! Побрякушку свою забери.

В руки ткнулась знакомая цепочка. Ожидала, она будет горячей, но пальцы обжег мертвенный холод.

Следом из воздуха соткался Мериад. Судя по насупленным бровям, я не оправдала его ожиданий по всем фронтам. Ну да, наивно было полагать, будто он не узнает о нашей маленькой договоренности с Дауром.

– Ты слишком суров с ней!

Мелодичный женский голос диссонировал с окружающей обстановкой. Тут бы карканье ворона, на худой конец – смех ведьмы.

– А ведь кое-кто действительно зовет меня ведьмой, а, Мериад?

– Я использовал несколько другую формулировку.

– Ох, не пытайся выставить себя перед девочкой культурным. Он называл меня слова и хуже, милая.

Отважившись, взглянула на богиню – только равная могла общаться с Мериадам в таком тоне. Ее облик решительно не вязался с голосом. Я ожидала увидеть хрупкую, нежную женщину, а не высокую мускулистую шатенку с татуировкой меча на открытом предплечье, одетую по-мужски, вдобавок с кинжалом на поясе. Длинные волосы собраны в высокий «хвост» и заплетены в косу. Я сама поступала так же во вре-

мя тренировок – выходит, передо мной Эрлин.⁷

– Привет!

Богиня подмигнула мне и протянула руку для рукопожатия. С благоговейным трепетом коснулась ее, гадая, стоит ли поцеловать узкую натруженную ладонь.

– О, не терплю этого! – Эрлин задушила мой порыв в зародыше. – Руки женщинам должны целовать исключительно мужчины.

С плутовской улыбкой она обернулась к Мериаду.

– Не дожدهшься! – покачал головой он. – Лучше скажи, сколько времени тебе понадобится...

– Покажи ей, – оборвала его Эрлин.

– Нет.

– Покажи! – упорствовала богиня. – Она имеет право, потому что...

– Нет у нее никаких прав и быть не может! – взорвался Мериад.

Глаза его метали грома и молнии. К счастью, гневался он не на меня, а на Эрлин.

– Решил прикинуться слепым? – Богиня оказалась не робкого десятка, приняла вызов. – Не видишь искры смерти?

И снова это загадочное сочетание. Что бы оно значило?

– Она глупа и труслива, – стоял на своем Мериад.

– Кто не без недостатков? Ты сам не образец, так что вы

⁷ Эрлин – младшая дочь Амандина и Рагны, богиня охоты, войны и воинского искусства.

похожи, недаром в ней есть крохотная частица тебя.

Замотала головой. Стоп, только не надо говорить, будто...

– Я не имею никакого отношения к твоему рождению, – милостиво развеял мои сомнения бог. – Эрлин некорректно выразилась. Скажем так, существуют несколько перво-родных субстанций, которыми обладают только боги. Тебе по ошибке или, наоборот, благодаря бредовой воле Виарматы досталась смерть. Совсем немного, крошечная искра, но именно поэтому вожусь с тобой, терплю нелепые выходы.

– Ну и еще потому, что твоя натальная карта частично совпадает с картой Рамины.

– Еще бы понять, почему, – помрачнев, пробормотал Мериад.

– Увы! – развела руками Эрлин и обратилась ко мне: – Вот он и выясняет, мучает тебя. Ты вообще уникальная девочка: попала и в Книгу, и в видение тетушки. Осталось только кое-чье сердце.

Богиня хихикнула и тут же приняла серьезный вид.

– Молчу, молчу, думай спокойно.

Мериад колебался. Он переводил задумчивый, полный сомнений взгляд с меня на Эрлин и наконец решил:

– Хорошо, я разрешу ей войти. Всего на минуту! А после забирай ее и попытайся выковать что-нибудь путное.

– О, не сомневайся, я наделю ее воинским даром. Или Рамина наделит: что-то мне подсказывает, моя помощь здесь

не потребуется.

Мериад не ответил, махнул рукой куда-то за холмы и растворился в воздухе.

– Ну вот, милая, – Эрлин заботливо обняла меня за плечи и подтолкнула в указанном богом направлении, – бука ушел. У него сложный характер, а после гибели дочери и вовсе стал невыносимым. Еще бы, лишиться своей малютки накануне ритуала бессмертия! Марис и Кентигерну повезло, что они укрылись в чертогах Хаоса, вместо них пострадали люди.

Так страшный мор, выкосивший чуть ли треть населения страны, его рук дело? С тех пор Лиэна так и не оправилась.

Понимаю, сердиться на богов нельзя, но внутренности закипали от несправедливости.

Вот бы и наказывал Марис с Кентигерном, не сваливал на людей чужую вину! Глядишь, уничтожил бы Мериад колдуна, наплевал на дурацкие правила, и отец, и брат остались бы живы. А теперь, видите ли, небесный страдалец мной недоволен!

Шумно втянула воздух, сжала и разжала кулаки.

Плевать, что я в царстве мертвых, хотел, чтобы перестала бояться, получай!

– Отец выбрал тебе идеального покровителя. Вы с ним очень похожи. Дело даже не в общей стихии – ты словно Мериад в юбке.

Эрлин наблюдала за мной с легкой полуулыбкой. Подслушала мысли, само собой.

– Только впредь, пожалуйста, не выводи его, учись сдержанности. Это поможет тебе не только в общении с богами, но и в бою. Однако мы заболтались. Надень амулет и протяни руку.

С опаской застегнула цепочку, долго не решаясь заправить ее за ворот. Вдруг ее натерли ядом, а то и вовсе прокляли? Наконец, смирившись с неизбежным, зажмурилась и отпустила камень. Ничего. По ощущениям, обычное украшение, даже нагрелось от тепла моего тела.

– Теперь руку, – напомнила Эрлин.

И я протянула, хотя лучше бы этого не делала!

Голова закружилась, ноги стали ватными. Сердце пропустило удар, замерло и заколотилось с бешеной скоростью. Мышцы горели. На руках резко обозначились жилы, вздулись, словно у силача.

– Это скоро пройдет, – заверила Эрлин. – Как только тело переварит дар.

Дар?

Недоуменно посмотрела на богиню.

У меня теперь есть дар?

– Я немного подкорректировала твои умения, ведь тебе придется сражаться с мужчинами, закаленными боями солдатами. Но осторожнее, не думай, будто непобедима! Я всего лишь ускорила процесс твоих тренировок, подарила результат, которые они принесли бы спустя несколько лет. Если не хочешь все растерять, придется заниматься. А теперь

навести Рамину, пока Мериад не передумал.

Яркая вспышка ослепила меня. Когда я вновь обрела способность видеть, обнаружила, что в полном одиночестве стою в странной ротонде без крыши.

Белоснежные колонны тянулись ввысь, теряясь в крошечной тьме. В воздухе стоял запах ладана. Тяжелый, въедливый, он ассоциировался со скорбью. Немудрено, ведь его курили на похоронах.

Разлитое в воздухе горе давило на плечи, сгибало спину, высасывало радость. Я ощущала, как она каплей за каплей покидает тело, вместе с теплыми воспоминаниями струится в центр ротонды. Что же там? Решившись, выглянула из-за колонны и увидела бледный столп сиреневого света. Словно пламя, подрагивая от сквозняка, он струился в небо. Именно его подпитывали мои эмоции.

Вот столп света получил новую порцию пищи, стал ярче, почти фиолетовым. Вот переварил ее и снова поблек.

Зачарованная, не отрывала взгляда от диковинного нечто. Сделала шаг, другой, осторожно приблизилась, протянула руку... Разум вопил, просил этого не делать, но я все равно погрузила пальцы в сиреневую субстанцию. Она мгновенно поглотила меня, разорвала связь души и тела, вселила в какого-то другого.

Зеркало. Я парю под потолком пустого восьмиугольного зала и смотрю в зеркало. У меня длинные, заплетенные в две толстые косы светло-русые волосы, зеленые глаза...

и бескровные губы. В уголке рта запеклась капелька крови.

Горло сковал спазм безмолвного крика – я видела мертвеца!

Попробовала отвернуться, но навеки застывшие зеленые глаза упорно следовали за мной.

Белоснежная рубашка покойницы пропиталась кровью. Особенно много ее скопилось внизу живота, словно девушку... Так вот почему он так ненавидел Марис и Кентигерна!

И тут меня выдернули назад, в собственное тело.

Видение с мертвой Раминой потухло.

Я обнаружила себя лежащей на полу ротонды, дрожащей то ли от холода, то ли от страха.

Перед глазами, на расстоянии дыхания, подрагивал столп света. Он практически выцвел, слился с окружающим воздухом.

– Для первого знакомства достаточно, а то раньше времени предстанешь перед Дауром.

На лоб легла крепкая мужская ладонь. Мериад изменил себе, сейчас от его кожи веяло телом.

Поглощенные странным светом эмоции постепенно возвращались, а дрожь, наоборот, уходила. Изменились ощущения и от руки бога – она стала прохладной. Только один перстень по-прежнему горячий, самый толстый, на среднем пальце.

– Эрлин бросила тебя здесь одну, смалодушничала, – продолжал бурчать Мериад. – Силу-то хоть дала?

Не в состоянии членораздельно ответить, кивнула.

– Вот и славно! А теперь ступай-ка ты к живым. Хотя вот еще что...

Пальцы бога требовательно развернули мое лицо, заставили посмотреть в ледяные глубины бездонных, зеленых, как у дочери, глаз.

– Переметнешься на другую сторону, узнаю. Надеюсь, ты понимаешь, что тебя ждет?

Метод кнута и пряника был применен сполна.

Глава 8

Арлайн

Устроившись на заднем дворе трактира, развлекалась тем, что метала нож в наспех нарисованную на стене сарая мишень.

Скука! Даже не так, Скука с большой буквы.

По совету Гордона, мы свернули с тракта на одну из второстепенных дорог и оказались здесь, в забытом богами месте.

– Есть не хочешь? – донесся до меня приглушенный вопрос Гордона.

Интересно, чем он так занят, даже не отчитал меня за нож.

В красках представила, как приятель хмурится и обирает оружие: «Хватит портить хорошую вещь!» Так нет, как приехали, засел возле пустых пивных бочек, чем-то занят.

Принюхалась и покачала головой:

– Вряд ли.

Из кухни несло кислой капустой. После нее в лучшем случае болел живот, а в худшем вас со всеми полагающимися почестями похоронят на ближайшем деревенском погосте. Ничего страшного, поберегу фигуру. Все равно мы

здесь ненадолго, самим отдохнуть, лошадей напоить. Вдобавок вдруг на кухне сменится повариха, и в меню появится та же фасоль. От нее с непривычки тоже пучило живот, зато вкусно и сытно.

Эх, сейчас бы пирога с крольчатинной!

Сглотнула слюну и сосредоточилась на мишени.

Йех! Попала!

Подняла нож и направилась к Гордону. Сейчас узнаем, чем таким важным он занят. Притих, спрятался от меня.

– Эй, что ты там делаешь?

Застигнутый на месте преступления приятель торопливо спрятал чернильницу, засунул незаконченное письмо за пазуху и напустил на себя невинный вид.

– Ничего.

– Гордон, ну покажи!

Сдается, у кое-кого завелась дама сердца. Теперь понятно, почему мы здесь остановились: рядом с трактиром почтовая станция, и Гордон туда сбегал, пока я занималась лошадьми. Получил послание и сочиняет ответ.

– Это личное. Стихи.

Рассмеялась:

– Вот уж не думала, что ты любитель поэзии!

Точно влюбился. Когда только успел! Жалко, бедняжку – представляю, какие у него там стихи. Ничего, сейчас поправим, уберем сравнения с горными козами и высокими горами. Если я не спешила замуж, это вовсе не значило, что тре-

бовала того же от друзей. Наоборот, только порадовалась, если Гордон обрел свое счастье.

– Ну, – замылся приятель, – ты многого обо мне не знаешь.

И кинул быстрый, испуганный взгляд на седельную сумку. Оттуда торчал краешек другого письма, вероятно, того, которое он забрал на почтовом дворе.

Нахмурилась. Там не любовные признания, а что-то, не предназначенное для моих глаз. Инструкции Алхены? Не сомневаюсь, сестрица приказала следить за мной в оба глаза. Странно, что меня еще нигде не задержали под благовидным предлогом. Или все впереди, Гордон и Алхена сообща готовят мне ловушку?

– Дай мне, пожалуйста, оба письма.

Гордон отвел глаза. Да что с ним такое?

– Ты мне не доверяешь?

– Скорее, ты мне, – усмехнулся приятель и попытался сменить тему. – Если верить карте, тут неподалеку есть...

Но сейчас меня волновало исключительно содержимое сумки Гордона. Сделав вид, будто направляюсь в конюшню, ловко выдернула письмо.

– Отдай! Арли!

Гордон попытался отобрать его, но поздно, я уже развернула сложенную треугольником бумагу, пробежала глазами... Приятель переписывался вовсе не с Алхеной, хотя речь в письме действительно шла обо мне. Только вот лучше бы я этого не читала!

– Ну, – смяла пальцами бумагу, – и когда ты собирался мне рассказать, если вообще собирался?

Гордон пристыженно молчал.

– Ты согласился? – напирала я.

– Видишь ли, – он крайне осторожно подбирает слова, – я обязан... Словом, как и у тебя, у меня есть долг перед государством. Наши обычаи строже ваших, сыновья не перечат отцам.

– Короче!

Со всей силы запустила бумажный комок в кусты.

Рот заполнила горечь.

А я-то считала его другом, верила!..

– Я частично согласен с отцом.

Отринув стыд, Гордон перешел в наступление.

– Женщины не должны сражаться. Мы обязательно соберем армию, отвоюем Лиэну, но пока тебе и твоей сестре лучше перебраться в безопасное место.

– И выйти замуж за тебя и твоего папочку? – язвительно продолжила я, закипая от ярости. – Каждой деве по паре, да?

Предатель! Или просто мужчина? Отец тоже меня просватал, не умер бы, глядишь, заставил выйти за Фарнафа.

Вовремя, ничего не скажешь, овдовел Брайан Шеттар! Когда только успел? Тело жены еще не остыло, а он уже новую присмотрел. И как ловко! У самого наследник имеется, нового не требуется, можно и Алхену взять, с ее-то приданым! А для детишек я имеюсь, нарожаю от Гордона шеттарят, ко-

торые будут править новым королевством. Не сомневаюсь, ушлый Брайн найдет общий язык с Кентигерном, выгодно поделит с ним Лиэну.

Но самое мерзкое другое: Шеттар-старший предлагал меня похитить. Мол, в чужой стороне, в плену я быстро успокоюсь. С налезшим на глаза пузом – тем более. Брайн открыто писал сыну, чтобы тот поторопился, «оседлал лиэнскую кобылку и дал всходы».

– Хорош сын, по матери не слезинки не пролил!

– Арли, я...

– Куда тебе, когда всходами надо заниматься! Ты не стесняйся, чего тянуть, начни прямо сейчас. Хорошо постарайся, через девять месяцев примеришь корону.

Не в силах больше его видеть, вскочила на лошади и понеслась прочь. Плевать на седло, на то, что сотру ноги до крови, хочу оказаться как можно дальше отсюда!

Слезы застилали глаза.

Кто угодно, только не Гордон! Он казался мне другим, честным, правильным. Возможно, потому что был другом Алистера. Единственный не запрещал мне драться и вообще... А в итоге он лгал, лгал все это время!

Судя по содержанию, письмо явно не первое. Радовало лишь то, что Гордон не одобрял моральных принципов папеньки, соглашался жениться, но любововно, без насилия. В ответ отец клеймил его трусом, напоминал, что на пути к власти все средства хороши. Ну и попрекал бездельем,

не без этого. Мол, пока род Шеттаров сражался за трон Угорья, Гордон жирел в покое в Лиэрне, зря проедал деньги. Правда, Брайн забыл уточнить, что деньги не его, а наши, да и вернуться на родину он сына не просил. Мать, и то похоронили без него. Наверняка под предлогом: лучше лиэнскую принцессу окучивай.

Увлеченная размышлениями о человеческой подлости, обнаружила, что сбилась с пути и заехала на земли очередного феодала. Вон и родовое гнездо, заросло бурьяном, но это податям не помеха, крестьяне регулярно платят приказчику.

Возле подобия изгороди – череды острых кольев, соединенных веревкой, – играли дети. Позабыв о письме и ссоре с Гордоном, остановилась, с улыбкой наблюдая за их возней. Такие милые! Только вот улыбка быстро сползла с моего лица. Рагна! Та, которую я сначала приняла за девочку лет десяти, оказалась подростком с уже наметившимися формами, казавшимися несуразными на фоне неестественной худобы. С синяками под глазами, в разодранном платьишке, едва прикрывавшим покрытые ссадинами колени, она походила на изможденную узницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.